

“Понятия о России”

К ИСТОРИЧЕСКОЙ СЕМАНТИКЕ
ИМПЕРСКОГО ПЕРИОДА

Том I

Новое
Литературное
Обозрение

2012

ОГЛАВЛЕНИЕ

Миллер Алексей Ильич, Сдвижков Денис Анатольевич, Ширле Ингрид

«Понятия о России»: к исторической семантике имперского периода. Предисловие 5

I. ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО И ЮРИДИЧЕСКАЯ ПРАКТИКА

Киселев Михаил Александрович (Екатеринбург)

Правда и закон во второй половине XVII — первой четверти XVIII века:

От монарха-судьи к монарху-законодателю 49

Марасинова Елена Нигметовна (Москва)

Закон в России второй половины XVIII века 66

Польской Сергей Викторович (Самара)

Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе

XVIII века 94

Бадалян Дмитрий Александрович (Санкт-Петербург)

Понятие конституция в России XVIII—XIX веков: от постановления сейма

и узаконения к венчанию здания и правовому порядку 151

Бабкова Галина Олеговна (Москва)

Личные преступления в проекте Уголовного уложения Екатерины II. К вопросу

о становлении юридической терминологии в России второй половины

XVIII века 175

Лор Эрик (Вашингтон)

Гражданство и подданство. История понятий 197

II. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

Ширле Ингрид (Москва)

Третий чин или средний род: история поиска понятия и слов в XVIII веке 225

Велижнев Михаил Брониславович (Москва)

Цивилизация и средний класс 249

Леонтьева Ольга Борисовна (Самара)

Понятие класс в российской мысли XIX — начала XX века 293

Сергей Викторович Польской

Конституция и фундаментальные законы в русском политическом дискурсе XVIII века

В июне 1801 года русский посол в Англии граф Семен Романович Воронцов, обеспокоенный новостями из Петербурга, полученными от его старшего брата сенатора Александра Романовича, писал ему:

Quant à ce que vous me dites du désir de l'Empereur de diminuer sa propre autorité, c'est *un changement dans la constitution de l'état*, c'est donner de nouvelles lois à 30 millions d'habitants. Or, quand il ne s'agirait que de changer *la constitution* d'une seule petite république comme Genève ou Lucques, il faudrait des années pour bien peser ce changement avant que de le mettre à exécution, si on veut éviter des troubles et des grands malheurs; mais faire des changements si essentiels dans l'empire le plus vaste de l'univers, dans une population de plus de 30 millions, dans une nation non préparée, ignorante et corrompue, et cela dans un temps où la fermentation des esprits est universelle sur tout le continent: c'est, je ne dis pas risquer, mais amener inmanquablement les troubles dans le pays, c'est amener la chute du trône et la dissolution de l'empire¹.

Данный отрывок раскрывает перед нами иное, отличное от современного, понимание *конституции*, которое господствовало в

¹ С.Р. Воронцов — А.Р. Воронцову, 14 (26) июня 1801 г. // Архив князя Воронцова. Т. 10. СПб., 1876. С. 99. Перевод и курсив здесь и далее в тексте наш, за исключением особо оговоренных случаев. Перевод отрывка: «Касательную власть, сие есть *перемена в конституции государства*, каковая даст новые законы 30 миллионам обитателям оною. Однако когда собираются менять *конституцию* одной маленькой республики, подобно Женеве или Лукке, надобны годы, дабы обдумать сию перемену до того, как исполнить оную, ежели желают избегнуть смут и великих бед; но произвести перемены столь существенные в самой обширной империи мира, население которой превышает 30 миллионов, среди нации к тому не приуготовленной, невежественной и развращенной, и сие при повсеместном брожении умов на целом континенте: сие, отважусь сказать, приведет неминуемо к смутам во всей стране, доставит падение трона и распад империи».

XVIII веке. Во-первых, Семен Воронцов совершенно осознанно говорит о конституции России, государства с неограниченной властью монарха, наравне с конституцией республиканской Женевы. Во-вторых, он выступает против стремления императора Александра I ограничить свою власть и утверждает, что подобное ограничение было бы нарушением конституции России! Сейчас для нас это заявление известного дипломата звучит как нонсенс, поскольку конституционализм связывается с ограничением любого произвола по отношению к правам граждан и установлением законных рамок деятельности правительства. Все это свидетельствует о том, что люди XVIII века вкладывали иные смыслы в понятия, которые, казалось бы, звучат столь современно.

Вполне очевидно, что без понимания политического дискурса эпохи и составлявших его понятий невозможно изучение русской истории XVIII века, так как, только выяснив, что имели в виду люди прошлого, мы можем понять их. До тех пор пока мы будем навязывать историческим деятелям наши представления о *конституции, монархии, государстве* и других политических понятиях, мы будем каждый раз ошибаться во всех своих суждениях. Так, например, если прочитав вышеприведенный отрывок, то можно поспешно сделать вывод о том, что Семен Воронцов был реакционером и противником всяческих преобразований, в то время как известно, что он, вместе с братом, был сторонником «законной монархии», инициатором реформ 1802 года, приведших к преобразованию Сената и созданию министерств. Большинство исследователей связывают его политические взгляды с конституционализмом начала XIX века. Но можно ли отнести его к «борцам за конституцию», если С.Р. Воронцов подразумевал под конституцией что-то совершенно иное? Оценка политических взглядов того или иного исторического деятеля невозможна только на основе изучения одного концепта, необходим связанный анализ политического дискурса эпохи. В то же время нельзя понять один концепт без изучения близких или противоположных понятий. Для понимания политических концептов необходима их интерпретация в историческом контексте, в том историческом пространстве, в котором они рождались и развивались, по отношению к тем проблемам и дискуссиям, которые заставляли их меняться. Так, развитие понятия *конституция* предполагает его изучение в отношении с другим важным политико-правовым концептом, игравшим в XVIII веке куда более значимую роль, а к началу XIX века ставшим во многом си-

нотимичным конституции. Речь идет о фундаментальном законе (*lex fundamentalis, loi fondamentale, Fundamentalgesetz*), который был сравнительно ближе к современному понятию конституции, правда, с тем отличием, что фундаментальные законы могли быть написаны и принадлежать к обычному праву или исторической традиции. Оба термина были известны в России XVIII века и во многом были связаны с трансфером и адаптацией европейских политических концепций. Но в отличие от почти неизменной конституции, *lois fondamentales* в России преобразались в переводе разных авторов в законы фундаментальные, основательные, непрелюбимые, коренные или даже в непоколебимо учрежденные уставы и главные установления. Полагаем, что только параллельное изучение развития концептов конституция и фундаментальный закон, которые сближаются к концу XVIII века, может позволить нам лучше понять историческую семантику обоих понятий.

В западной исторической науке существует обширная литература, как в рамках *Begriffsgeschichte*, так и кембриджской школы, посвященная истории понятия конституция в XVII—XIX веках². В российской историографии подобных исследований, посвященных становлению изучаемых понятий в русской культуре XVIII века, насколько нам известно, еще не существует³. В данной статье мы попытаемся рассмотреть историю формирования, употребления и изменения двух «ключевых понятий» политического

² Stourzh G. Constitution: Changing Meanings of the Term from the Early Seventeenth to the Late Eighteenth Century // Ball T., Pocock J.G.A. (Ed.) *Conceptual Change and the Constitution*. Lawrence, 1988. P. 35—54; Mohnhaupt H., Grimm D. *Verfassung, Konstitution, Status, Lex fundamentalis* // Koselleck R. (Hrsg.) *Geschichtliche Grundbegriffe. Historisches Lexikon zur politisch-sozialen Sprache in Deutschland*. Bd. 6. Stuttgart, 1990. S. 831—862; Schmale W. *La France, l'Allemagne et la Constitution (1789—1815)* // *Annales historiques de la Révolution française*. 1991. Vol. 286. P. 459—481; *Idem*. *Constitution, Constitutionnel* // Reichardt R., Lüsebrink H.J. (Hrsg.) *Handbuch politisch-sozialer Grundbegriffe in Frankreich 1680—1820*. H. 12. München, 1992. S. 31—63; Beaud O. *L'histoire du concept de constitution en France. De la constitution politique à la constitution comme statut juridique de l'Etat* (2009) // <http://www.juspoliticum.com/L-histoire-du-concept-de.html>

³ Если не считать отдельных обзорных работ об «основных законах», созданных в рамках юридической науки. См.: Макаров А.Н. Учение об основных законах в русской юридической литературе XVIII и первой половине XIX в. // *Сборник статей по русской истории, посвященный С.Ф. Платонову*. Петроград, 1922. С. 370—381; Омельченко О.А. К проблеме правовых форм российского абсолютизма второй половины XVIII в. // *Он же*. *Власть и Закон в России XVIII века. Исследования и очерки*. М., 2004. С. 111—141.

дискурса XVIII века в Европе и России: фундаментальных законов и конституции. Для достижения поставленной цели нами были использованы источники самого разного характера: от серийных (словари, учебники, журналы и так далее) до единичных, среди которых особое внимание мы уделяем политическим и публицистическим сочинениям, наиболее полно раскрывающим связь «понятия» и «действия» в конкретной исторической ситуации. Занимаясь, собственно, изучением политической истории русского XVIII века, мы используем «историю понятий» как метод раскрытия глубинных смыслов социально-политических процессов эпохи, который позволяет, как нам кажется, открыть перспективы для создания «новой политической истории».

Экскурс в историю развития изучаемых понятий в европейском культурном контексте (I) необходим для понимания особенностей их русского бытования, поскольку значения новых терминов усваивались в России не только и даже не столько через переводы, а скорее напрямую через оригинальные политические и правовые сочинения, прежде всего французские, с которыми знакомились представители русского просвещенного «общества». Билингвизм русской элитарной культуры второй половины XVIII — начала XIX века влиял определенным образом на трансфер и адаптацию новых терминов⁴. Поэтому в русских политических сочинениях на французском языке западные понятия могли обретать новые смыслы и значения, определенные отечественным социальным полем. В то же время следует отметить, что XVIII век стал эпохой, когда изучаемые понятия переживали активную трансформацию в самой европейской культуре и их трансфер в Россию (II) был связан с распространением и адаптацией здесь западных политических концепций.

Собственно, развитие вышеназванных понятий в русском контексте оказалось тесно связанным с важными политическими дискуссиями об «истинной монархии» и реформах, которые развернулись в 1750—1780-е годы (III). Они породили обширную публицистическую литературу, важнейшей частью которой стала полемика о фундаментальных законах. Наконец, мы попытаемся выяснить, почему в России второй половины XVIII века фундаментальные законы были ведущими понятиями политического дискур-

⁴ О проблеме билингвизма см. статью М.Б. Велижева в настоящем сборнике.

са и каким образом в самом начале XIX века их вытесняет конституция, становясь ключевым понятием на ближайшие два века (IV).

«Qu'on doit entendre par la constitution politique»?⁵

Термин конституция в современном политическом лексиконе давно уже вытеснил понятие фундаментальный закон, ставшее, в лучшем случае, его синонимом. Большинство современных словарей трактуют конституцию как «основной закон государства, определяющий основы общественного и государственного строя, систему государственных органов, права и обязанности граждан»⁶. Хотя еще три века тому назад конституция употреблялась в юридическом, финансовом, религиозном, медицинском, физическом, астрономическом, но только не в политическом смысле. Лишь отдельные авторы политических сочинений начинают в XVII веке использовать этот термин в метафорическом смысле, связывая «политическое тело» государства с определенной конституцией, так же как тело человека связывалось с крепкой или слабой конституцией. Конституция выступала здесь как особое сложение государственного «тела», установление определенных принципов его существования, состояние управления этого «корпуса».

Этимология слова конституция, так же как и этимология фундаментального закона, скорее юридическая, хотя латинское существительное *constitutio* восходит к глаголу *constituo* (ставить, помещать, устанавливать) и, соответственно, его первое значение — *установление, учреждение*. Цицерон, Квинтилиан, авторы кодекса Юстиниана употребляют этот термин в смысле некоего установленного правила, юридического постановления, императорского приказа. В романских языках конституция появляется раньше, чем в германских; так, во Франции *constitution* встречается с XII века, в то время как в английский оно попадает только в XVI столетии, но и там и там в юридическом значении: «ordonnance, règlement» или «act of settling, regulation, order, ordinance». В политическом смыс-

⁵ «Что следует понимать под политической конституцией» — вопрос, который поставил аббат Сийес в своем знаменитом политическом сочинении, ставшем точкой отсчета для нового понимания конституции (*Siéyès E.J. Qu'est-ce que le Tiers-état*. Paris, 1789. P. 74).

⁶ Толковый словарь русского языка С.И. Ожегова и Н.Ю. Шведовой. М., 1993.

ле в английском языке конституция начинает употребляться гораздо раньше, чем во французском: уже в начале XVII века под конституцией понимают «mode of organization of a state», а к началу следующего века складывается ее понимание как «system of principles by which a community is governed». Французы заимствуют политическое понимание конституции у англичан в 1683 году, считается, что это заслуга Жана-Батиста де Розмона, который, переводя книгу Гильберта Барнета *История Реформации английской церкви*, первым говорит о «la constitution de l'Angleterre»⁷.

Хотя в XVII веке конституция еще редкий гость в политических трактатах, куда более часто встречается *leges fundamentalis*, казавшийся более важным понятием и для юристов, и для государственных деятелей, именно фундаментальные законы с позднего Средневековья часто подменяли понятие традиционного обычного права. Так, во Франции термин *lois fondamentales* начинает употребляться с 1576 года вместо *anciennes lois du Royaume*, в Англии понятие *fundamental law* соотносится с *Великой хартией вольностей* с начала XVII века. В Германии *Fundamentalgesetz* впервые упомянуты в *Regierungsform* Померании 1634 года, впрочем, еще в 1591 году Фридрих Прукманн, канцлер курфюрста Бранденбургского, утверждает в своем *Paragraphus solute potestas*, что Салический закон есть «*lex fundamentalis florentissimi Galliae regni*». Наконец, общим местом при описании Священной Римской империи было упоминание ее *constitutions et leges fundamentalis*, под которыми прежде всего подразумевалась *Золотая булла* 1356 года, Аусбургский и Вестфальский трактаты⁸. Как отмечает Вольфганг Шмале, на протяжении XVII—XVIII веков в Германии определение понятия конституция вызывало меньше проблем, чем во Франции, поскольку до Французской революции под конституциями здесь понимали неизменный корпус фундаментальных законов Империи⁹.

⁷ Burnet G. Histoire de la Reformation de l'Eglise d'Angleterre / Traduite de l'anglois par M. de Rosemond. Londres, 1683. T. 1. P. 85.

⁸ Oestreich G. From Contractual Monarchy to Constitutionalism // Collins J.B., Taylor K.L. (Ed.) Early modern Europe: issues and interpretations. Oxford, 2006. P. 324.

⁹ Schmale W. La France, l'Allemagne et la Constitution. P. 468 («En Allemagne, la notion de constitution faisait moins de problème qu'en France [...] La raison en est simple, parce que le signifié ne faisait pas de doute: un corpus de lois fondamentales comme la Bulle d'Or de 1356, la paix de la religion d'Augsbourg, la paix de Westphalie de 1648 [...] formaient, sans nul doute, la constitution de l'Empire»).

Употребление терминов *конституция* и *фундаментальные законы* в политико-правовом дискурсе рубежа XVII—XVIII веков можно изучить на показательном примере трактата *De Officio Hominis et Civis juxta legem naturalem* (1673), принадлежавшего перу крупнейшего авторитета эпохи в области права — немецкого юриста Самуэля фон Пуфендорфа (1632—1694)¹⁰. Книга *О должности человека и гражданина согласно естественному закону* была своеобразным учебником политического права в Европе на протяжении долгого времени. Уже вскоре после публикации на латыни появились английский (1691), французский (1707) и русский (1726) переводы этого трактата. Сравнение оригинала и переводов весьма показательно как для понимания своеобразия политического лексикона эпохи, так и для осознания семантики изучаемых понятий. Переводчик на английский — профессор геометрии Эндрю Тук (1673—1732)¹¹ и на французский — юрист Жан Барбейрак (1674—1744)¹², пытаясь адаптировать те или иные латинские термины Пуфендорфа, вводят в текст понятие *конституция*, которое напрочь отсутствует у автора, так же как и у русских переводчиков¹³. Барбейрак впервые использует *constitution* как аналог латинского *conditio*¹⁴. Такая трактовка восходит к классической латыни: так, Цицерон говорит о *firma corporis constitutio*¹⁵, и это демонстрирует, что политическое значение *конституции* в современных языках имело скорее метафорическое, чем юридическое происхождение от термина, подразумевавшего сложе-

¹⁰ Pufendorf S. De officio hominis et civis juxta legem naturalem libri duo. Londini, 1737. Далее цитаты в тексте по этому изданию, первая цифра — номер книги, вторая — главы, третья — параграфа.

¹¹ The whole duty of man according to the law of nature / Samuel Pufendorf; Transl. by Andrew Tooke, 1691; *Idem* / Ed. with an Intr. by I. Hunter and D. Saunders. Indianapolis (Ind.), 2003. Данная публикация основана на пятом издании перевода Тука 1735 года.

¹² Les devoirs de l'homme et du citoyen, tels qu'ils lui sont prescrits par la loi naturelle / Traduits du Latin de feu Mr. Le Baron de Pufendorf, par J. Barbeyrac. Amsterdam, 1707.

¹³ О должности человека и гражданина по закону естественному, книги две сочиненные Самуилом Пуфендорфом. Ныне же на российский с латинского переведены повелением [...] государыни Екатерины Алексеевны. СПб., 1726 [перевод Иосифа Кречетовского, в редакции Гавриила Бужинского (1680—1731)].

¹⁴ Les devoirs de l'homme et du citoyen. P. 173. «Cum ea sit conditio corporis humani» (I, 12, 1) — «Telle est la constitution du Corp Humain». В то же время Тук буквально переводит фразу Пуфендорфа: «Whereas such is the Condition of Man's Body» (The Whole Duty of Man. P. 128).

¹⁵ Cicero. De Officiis. III, 33, 117.

ние некоего тела, его многосоставную и в то же время согласную природу. Неслучайно именно в XVII веке зарождается эта метафора, поскольку в эпоху барокко мыслители описывают государство как «политическое тело», пример *Левиафана* Томаса Гоббса является в этом отношении самым известным. Собственно говоря, далее переводчики используют только метафорическое понимание *конституции*. Уже перевод названия главы 6 второй книги *De internum civitatis structura* говорит сам за себя: Тук весьма пространно называет ее «Of the Internal Frame and Constitution of any State or Government», а Барбейрак более краток: «De la Constitution intérieure des Etats». Заметим, что английское *frame*, которое выступает здесь синонимом *конституции*, также имеет метафорическое происхождение, эта *внутренняя структура* восходит к *скелету, каркасу и телосложению*. Чтобы перевести *interna compages* (II, 6, 1) Пуфендорфа, Тук коротко говорит об *Internal Constitution*, в то время как Барбейрак использует два существительных, чтобы передать латинские *compages*, — «le ciment et la structure»¹⁶.

В главе 8 второй книги *De Formis Rerum publicarum (Of the several Forms of Government, De diverses forms de Gouvernement)* Пуфендорф рассматривает основные формы правления (монархия, аристократия, демократия). Обратим внимание, что Пуфендорф выделяет понятия *государства (civitas)* и *формы правления (republica)*, в которой выражается суверенитет. Барбейрак четко следует этому разделению, в то время как Тук использует *Government* и для передачи *civitas*, и для *republica*, хотя разделяет эти смыслы, и здесь проявляются скорее особенности английской семантики слова *Government*, которое может выступать и как «ruling authority in state», и как «the organization of the state». Тук также переводит *republica* (II, 8, 12) как *constitution*, пытаясь обозначить именно форму правления, в то время как Барбейрак использует здесь *Gouvernement*¹⁷.

Как видим, во всех случаях понятие *конституция* ни в коей мере не подразумевает какого-либо ограничения власти, а используется для описания любой системы осуществления власти, ее формы. Совсем иначе обстоит дело с *фундаментальными законами*, о которых Пуфендорф говорит весьма осторожно и, несмотря на свои абсолютистские симпатии, пишет о возможности ограниче-

¹⁶ The whole duty of man. P. 192; Les devoirs de l'homme. P. 275.

¹⁷ The whole duty of man. P. 206; Les devoirs de l'homme. P. 296.

ния власти определенными юридическими нормами. Немецкий правовед утверждает, что народ, опасаясь произвола со стороны единоличного правителя, может *ejus imperii exercitium certis limitibus circumscribere* (II,9,6). Тут переводит его дословно («to circumscribe the Exercise of this Power within the *Limits of certain Laws*»), а вот Барбейрак на этом не останавливается и прямо говорит, что *certis limitibus* — это и есть «*certaines Règles ou Loix Fondamentales*»¹⁸. Наконец, в следующем параграфе Пуфендорф объясняет, что *фундаментальные законы* действуют в тех монархиях, где правитель царствует на правах узурфрукта, а не как вотчинник. Там, где народ вручил власть монарху на условиях сохранения государства, должно соблюдать *фундаментальные законы*, в то время как в патримониальной монархии государь волен чинить любой произвол, как в своей личной вотчине. В этом состоит различие *Modus habendi regnum* (II,9,7), которое также определяется тем, как получена власть: вотчинное владение предполагает — завоевание, право узурфрукта — наследование. Поэтому монархи по праву наследования подчиняются фундаментальным законам или существующим кутюмам¹⁹.

Анализ сочинения Пуфендорфа и его разноязычных переводов показывает нам соотношение двух концептов политико-правовой мысли XVII века: мы видим, что *конституция* и *фундаментальные законы* никак не связаны между собой непосредственно. Если *конституция* подразумевает форму правления, то *фундаментальные законы* отнесены только к контрактной монархии и напрямую связаны с обычным правом (*ancient Custom, Coutume établie*).

Отметим особо, что юристы того времени относили практически все европейские монархии к основанным на праве узурфрукта, в чем видели их существенное отличие от восточных деспотий. Так, Гуго Гроций констатирует в *De Jure Belli ac Pacis* (1625), что в Европе «государи ныне по большей части владеют государством не на вотчинном праве, но лишь на праве узурфрукта»²⁰. А первый оратор

¹⁸ The whole duty of man. P. 209; Les devoirs de l'homme. P. 301.

¹⁹ The whole duty of man. P. 210; Les devoirs de l'homme. P. 302. «Demittendo legem fundamentalem, aut consuetudinem in populo receptam» — «to be determin'd, either by the ancient Custom, or the fundamental Laws of the Kingdom» — «ont droit d'y prétendre selon les Loix Fondamentales ou Coutume établie». В русском переводе 1726 года: «...закон основательный, или обыкновенно в народе воспрятую последовати должны» (О должности. С. 438—439).

²⁰ Гроций Г. О праве войны и мира. М., 1994. С. 773 (кн. III, гл. XX, § V).

Франции, который всегда рассматривался как сторонник абсолютизма, епископ Жак Бенинь Боссюэ, наставляя дофина в науке править, утверждает: «Il y a des loix fondamentales qu'on ne peut changer; il est même très-dangereux de changer sans nécessité celles qui ne le sont pas»²¹.

Однако на протяжении XVIII века семантика данных концептов начинает постепенно трансформироваться. На примере французских словарей можно проследить, каким образом в Европе в XVII—XVIII веках эволюционирует понимание *конституции*. В первом издании *Словаря Французской Академии* говорится о *конституции* прежде всего как о некоем установлении (*établissement*), причем скорее финансовом, оформленном определенным правовым актом (рента, пенсия). Как пример словоупотребления приводится фраза: «Он имеет сто тысяч ливров конституций» (*Il a pour cent mille livres de constitutions*). Затем речь идет о *конституции* как о законе, ордонансе, регламенте (и заметим, снова во множественном числе: «Эта республика, этот город управляется хорошими Конституциями» (*Cette République était gouvernée par de bonnes Constitutions*). Потом идет старое латинское значение комплекции, сложения человека (*Bonne, forte constitution. Il est de bonne constitution, de mauvaise constitution*), и завершает смысловое поле *конституций* ссылка на философов, которые метафорически употребляют термин, говоря об устройстве мира (*constitution du monde*)²². Столетие спустя пятое издание словаря (1798), повторяя предшествующие значения, включает новый абзац: «On dit, *La Constitution d'un état*, pour dire, La forme de son Gouvernement, et se Lois fondamentales. *La Constitution de l'état Monarchique exige que*, etc.»²³. Это политическое значение для французского образованного общества было «новым» по меньшей мере уже полвека. Так, *Словарь Треву*, издание куда более чуткое к веяниям времени, акцентирует внимание на политико-правовых характеристиках *конституции* как преобладающих²⁴. Хотя ни в его издании 1721, ни

²¹ Bossuet J.B. La Politique tirée des propres paroles de l'écriture sainte. Paris. 1709. P. 35 (livre I, article IV: Des Loix, VIII).

²² Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, 1694. T. 1. P. 238.

²³ Dictionnaire de l'Académie Française. Paris, L'an VII de la République [1798]. T. 1. P. 299.

²⁴ Р.А. Будагов связывает это с буржуазной направленностью издателей *Словаря Треву* — см.: Будагов Р.А. Развитие французской политической терминологии в XVIII веке. 2-е изд. М., 2002. С. 8.

1771 годов мы не найдем четкой связи между конституцией, формой правления и фундаментальными законами²⁵.

В *Энциклопедии* Дидро и Д'Аламбера присутствует общее определение, близкое *Словарю Треву*: конституция «signifie en général établissement de quelque chose. Ce terme s'applique en Droit à différents objets»²⁶. И затем Луи де Жокур, автор статьи, долго и детально описывает церковные и частные конституции, конституции прокуроров и конституцию ренты, но больше всего он уделяет внимание Конституции Священной Римской империи как *collectio constitutionum imperialium*.

Только в 1770—1780-е годы мы можем наблюдать становление нового понимания конституции во французских словарях. В частности, это отчетливо проявилось в *Универсальном словаре нравственных, экономических, политических и дипломатических наук* Жана Батиста Рене Робине (1735—1820), в 14-м томе которого выделена обширная статья, посвященная Конституции. Здесь уже в первом абзаце статьи прослеживается эволюция от старого широкого к узкому современному значению конституции: «Слово конституция означает в самом общем понимании установление чего-либо. В Политике и Праве народов под Конституцией государства понимается фундаментальный регламент, который определяет способ, каковым должно осуществлять публичную власть»²⁷. Здесь же Робине ставит знак равенства между фундаментальными законами и конституцией. Хотя, согласно Робине, как и большинству авторов его эпохи, конституции имеются у всех государств, в том числе монархических, и различаются в зависимости от формы правления. Робине даже в России обнаружил фундаментальные законы, несмотря на деспотический характер правления: «Все фундаментальные законы, насколько известно, сводятся здесь к одному, что предписывает суверену исповедание греческой религии, и к другому, что запрещает разделять свое Государство: впрочем, последний существует только в традиции, а первый мы найдем только в Те-

²⁵ Dictionnaire universel françois et latin, vulgairement appelé dictionnaire de Trévoux. Paris, 1721. Т. 2. P. 844—845; Dictionnaire de Trévoux. Paris, 1771. Т. 2. P. 162—163.

²⁶ Encyclopédie ou dictionnaire raisonné des sciences, des arts et des métiers. Paris, 1754. Т. 4. P. 62.

²⁷ Dictionnaire universel des sciences morale, économique, politique et diplomatique, ou Bibliothèque de l'homme-d'état et du citoyen. Londres, 1780. Т. 14. P. 56.

стаменте Екатерины I»²⁸. Нужно отметить, что на Робине, несомненно, оказало влияние английское понимание конституции, которое получает четкие политические очертания еще в предшествующее столетие.

Эпоха между 1688 и 1789 годами стала временем развития понятия конституция в политической литературе: от Локка до Сийеса его семантика значительно изменилась. Идеолог «Славной революции» Джон Локк в своих *Двух трактатах о правлении* (1690) предлагает всю гамму значений конституции, здесь мы встречаем и ее анатомическое понимание (*constitution of men* — I, VI, 51), и ее правовую трактовку (*different customs and constitutions of distinct commonwealths* — II, XIII, 152)²⁹. Но в то же время Локк использует термин в политическом смысле, когда он метафорически говорит о «сложении и каркасе всякого правления» (II, XIX, 230), а также рассуждает о фундаментальных законах, в том числе применительно к их признанию со стороны королевской власти³⁰. Со времен Локка в Англии политическое понимание конституции как установленной формы правления закрепляется достаточно прочно.

Шарль Луи Монтескье, побывавший в Англии и восхищенный ее конституцией, то есть системой правления, использует английское понимание этого термина в своем *Духе законов* (1748). Он фактически придает слову конституция значение политического концепта, используя его в значении *politeai* Аристотеля, только применяя его не к городу, а государству в целом³¹. В то же время

²⁸ Dictionnaire universel. Londres, 1783. Т. 28. P. 24.

²⁹ Цит. по: *Locke J. Two Treatises of Government*, ed. Th. Hollis. L., 1764 (номер трактата, главы, параграфа).

³⁰ Он ссылается на выступление Якова I в парламенте в 1609 году, в котором тот заявлял, что «king binds himself by a double oath, to the observation of the fundamental laws of his kingdom». Король дает клятву «соблюдать фундаментальные законы королевства» и в то же время обещает издавать «хорошие законы и конституции» («good laws and constitutions», II, XVIII, 200). Самому Дж. Локку приписывают авторство проекта *Fundamental Constitutions of Carolina* (1669).

³¹ Как отмечает О. Бодо, конституция в политическом значении была для французов в XVIII веке неологизмом и англицизмом, заслуга Монтескье в том, что он «a élevé le mot de constitution à la dignité du concept, et il l'a fait en lui faisant endosser un sens désormais proche de l'ancienne politeai [...] Assimilée à la politeia d'Aristote ou de Polybe, celle-ci acquiert un sens politique: elle désigne le mode d'agencement ou d'organisation des pouvoirs à l'intérieur de l'Etat. Montesquieu partage cette conception dans la mesure où, transposant la Cité à l'Etat, il use du mot de constitution pour qualifier la forme d'organisation de l'Etat» (см.: *Beaud O. L'histoire du concept de constitution en France*).

Монтескье делает важнейший шаг в определении *фундаментальных законов*, в частности для монархического правления. Как известно, в его концепции наличие неперменных законов, закрепляющих права сословий, есть главное отличие монархии от деспотии. Это определение «истинной монархии» становится ведущим в политической литературе XVIII века. Фактически он рассматривает *конституцию* как систему государственного устройства, определяющую не только законы, но и социальную жизнь. В этом отношении, несмотря на все свои теоретические разногласия с Монтескье, Жан-Жак Руссо использует то же понимание *конституции* в *Общественном договоре* (1762). В том же смысле Жан Луи Де Лольм в *Constitution de l'Angleterre* (1770) понимает английскую *конституцию* как исторически сложившуюся систему управления (*systems des Gouvernements*), не уходя далеко от смысла, который вкладывали сами англичане в свою *конституцию*³².

Особое место в развитии политико-правового дискурса в середине XVIII века занимают труды двух швейцарских юристов Ж.-Ж. Бурламаки и Э. Ваттеля, чьи сочинения оказали важнейшее влияние на восприятие *конституции* среди американских и французских революционеров конца века. Жан-Жак Бурламаки (Jean-Jacques Burlamaqui, 1694—1748) в опубликованном посмертно трактате *Принципы политического права* (1751), вероятно, впервые дает определение *фундаментальным законам*, которое сближает их с современным пониманием *конституции*:

Фундаментальные законы государства, взятые во всей целостности, суть не токмо установления, посредством коих корпус всей Нации определяет, какова должна быть форма правления и как наследуется Корона, но это также и договоры между Народом и тем или теми, кому передается Суверенитет, регулируют оные образ правления и ограничивают власть Суверена. Сии Регламенты именуются *Фундаментальными законами*, поелику оные суть основа и фундамент Государства, на каковом возводится здание Правительства, и Народ взирает на оные, как на свою силу и безопасность³³.

Здесь вполне выражена договорная природа власти и первоначальный суверенитет народа. Однако Бурламаки утверждает, что

³² [De Lolme J.L.] Constitution de l'Angleterre ou état du gouvernement anglais comparé avec la forme républicaine et avec les autres monarchies de l'Europe. Amsterdam, 1771. P. 246.

³³ [Burlamaqui J.-J.] Principes du droit politique. Genève, 1754. Vol. 2. P. 45 (chapt. VII, § XXXVI—XXXVII).

«вид фундаментального закона по Праву и Необходимости присущ всем Правлениям, даже в государствах, где суверенитет есть самый неограниченный, и данный закон суть *Общественное благо* (*Bien public*), которое Суверен не может никогда отвергнуть, чтобы не нарушить свой долг»³⁴. Хотя сам Бурламаки не сводит вместе *фундаментальные законы* и *конституцию*, так как для него *конституция* прежде всего связана с формой правления, которую он отождествляет с *Constitution de l'Etat*³⁵. Эмер де Ваттель (Emer de Vattel; 1714—1767) в своем *Праве народов, или принципах естественного закона* (1758), одним из первых формулирует четкое политическое определение *конституции*:

Основной регламент, определяющий образ Публичной Власти, должен быть выражен в *Конституции Государства*. В ней представлены: форма, в которой Нация выступает в качестве Политического тела, как и посредством кого Народ должен быть управляем, какие имеют права и обязанности те, кто управляют. Эта *Конституция* — не что иное, как установление порядка, в котором Нация предполагает трудиться сообща для достижения авантажей, ради коих и учреждается Политическое Общество³⁶.

Важно, что Ваттель отводит принципиальную роль понятию *нации* в создании *конституции*. Наконец, в отличие от Бурламаки, он концептуально объединяет понятие *конституции* и фундаментальных законов, фактически Ваттель дает первое современное юридическое определение *конституции* как совокупности основных законов:

Законы суть правила, установленные Публичной Властью для соблюдения в Обществе. Все они должны согласоваться с благом Государства и Граждан. Законы, созданные непосредственно для общественного блага, суть Законы Политические [...] одним словом, они совпадают с формой *Конституции Государства* и являются *Фундаментальными законами*³⁷.

³⁴ Ibid. Отметим, что данная трактовка была уже давно близка идеологам «просвещенного деспотизма».

³⁵ Ibid. P. 57.

³⁶ Vattel E. Droit des gens; ou, Principes de la loi naturelle appliqués à la conduite et aux affaires des nations et des souverains. Londres, 1758. Vol. 1. P. 31 (chapt. III, § 27).

³⁷ Ibid. P. 32 (chapt. III, § 29).

Таким образом, можно сказать, что здесь Ваттель совершил важный теоретический шаг к созданию первых писанных конституций, которые закрепляли политические законы. Исследователи полагают, что *Право народов* оказало значительное влияние на «отцов-основателей» США, в частности на конституционные идеи Томаса Джефферсона.

В Германии идею *фундаментальных законов* пытаются согласовать с концепцией просвещенной монархии два прусских государственных деятеля: Якоб Фридрих фон Бильфельд (1717—1770) и Эвальд Фридрих фон Херцберг (1725—1795). Их понимание *loix fondamentales* ближе к Монтескье, чем к Ваттелю и Бурламаки. *Фундаментальные законы* прежде всего связаны с монархией (для Бильфельда ограниченной, для Херцберга любой), которая направлена на благо подданных. Граф фон Херцберг видел в *фундаментальных законах* гарантии соблюдения прав личности, а в монархии — гарантию от потрясений, свойственных республике, поэтому для него монархия, умеренная законами, и есть лучшая форма правления³⁸.

В то время пока Херцберг восхвалял преимущества монархии, «смягченной фундаментальными законами», аббат Габриель Бонно де Мабли (1709—1785) выступил против их абсолютизации. В своем трактате *Об изучении истории* (1783) он подверг критике саму идею *фундаментальных законов*. Он утверждал, что законы рано или поздно устаревают, их необходимо менять в соответствии с духом времени, а значит, идея «неизменных» законов — сама по себе порочна. Всюду, где нет деспотизма, народу принадлежит право отменять старые законы и создавать новые³⁹.

Революционные потрясения 1770—1790-х годов сыграли важнейшую роль в изменении политической терминологии. Появившиеся в результате Войны за независимость американские конституции штатов — это, прежде всего, уставные грамоты, где описаны формы правления штата. Принятая в 1787 году Конституция США фактически подразумевала установленную форму правления⁴⁰.

³⁸ Hertzberg E.F. Huit dissertations. Berlin, 1787. P. 144.

³⁹ De l'étude de l'histoire // Oeuvres complètes de l'abbé de Mably. Lyon, 1796. T. 12. P. 296.

⁴⁰ Так, конституция Северной Каролины (1776) названа «Constitution, or Form of Government», полное название Конституции Массачусетса (1780) «Constitution, or Form of Government for the Commonwealth of Massachusetts», а в самом тексте конституция выступает как синоним формы правления — «Constitution of Government» (см.: <http://www.modern-constitutions.de>).

В своем понимании конституции американские революционеры, вслед за Ваттелем, объединяют понятия *фундаментальных законов* и *конституции* и еще более резко подчеркивают определяющее значение Нации в создании конституции, поскольку не правительство создается конституцией, а конституция создает правительство⁴¹.

Думается, что американские конституции сыграли решающую роль для семантического перехода и во Франции, где в дискуссиях 1788—1789 годов по поводу конституции сталкиваются два ее понимания: старое, как формы правления, которое защищают сторонники короля и сословных привилегий, и новое революционное, где конституция понимается как акт, дарующий равные права и свободы гражданам и устанавливающий новую форму правления. Французские революционеры настаивают, что Франции нужна конституция, которая дала бы общегражданские свободы, обеспечила бы возможность «Нации» выражать свою волю, они утверждают, что конституции во Франции нет и ее надо создать. Это заявление вызывает возмущение сторонников *Ancien Régime* и старого значения конституции. В ответ на революционные памфлеты они выпускают брошюры с доказательствами давнего существования конституции во Франции. Придворный историограф Жакоб Николя Моро создает трактат *Изложение и защита нашей монархической французской Конституции* (1789), где с гневом восклицает: «Множество книжиц [...] содержат в себе сие ужасающее высказывание: Франция еще не имеет вовсе конституции. Из чего заключают, и весь свет сие повторяет, что должно воспользоваться оказией и дать ей наконец оную»⁴². Но противники «монархической конституции» усматривают материальные причины, которые двигают ее защитниками и яростно нападают на сторонников сословных привилегий:

Нам не прекращают твердить о Конституции: слово сие соединило все Привилегированные Сословия, они хотят этим словом

⁴¹ Томас Пэйн, оспаривая Э. Бёрка, дает следующее определение конституции: «A constitution is a thing antecedent to a government, and a government is only the creature of a constitution. The constitution of a country is not the act of its government, but of the people constituting a government» (Paine T. Rights of Man: Being an Answer to Mr. Burke's Attack on the French Revolution. 2nd edition. London, 1791. P. 56—57). Отметим, что данное определение конституции у Пэйна во многом связано с наделавшим шума в 1789 году трактатом аббата Сийеса и частично повторяет его дефиниции.

⁴² Exposition et défense de notre Constitution monarchique Française / Par M. Moreau. Paris, 1789. Vol. 2. P. 190.

заткнуть нам рот. Угрожать их Привилегиям — вот что значит испровергнуть *Конституцию*, как если бы смысл Монархической Конституции был только в том, чтобы существовали Привилегированные Сословия⁴³.

Одним из первых в ходе этих дискуссий 1788—1789 годов приходит к современному пониманию *конституции* Эммануэль Жозеф Сийес в своем знаменитом публицистическом сочинении *Что такое третье сословие*, которое вышло в январе 1789 года. В его пятой части аббат Сийес дает собственное определение *конституции*:

...что следует понимать под политической конституцией общества и каковы должны быть ее отношения к самой нации. Невозможно создать учреждение для какой-нибудь цели, без того чтобы не дать ему определенные организацию, формы и законы, согласно которым оно должно выполнять функции, которые хотят ему поручить. Это и есть так называемая *конституция* данного учреждения. Без нее оно существовать не может. Очевидно, что любое правление должно иметь свою *конституцию*⁴⁴.

Здесь Сийес использует идеи Ваттеля и американских конституционалистов, но идет дальше своих учителей. Он уточняет и формулирует определение *фундаментального закона*, которым, по его мнению, и является *конституция*, далее он уже объединяет эти понятия и ведет речь о *конституционных законах*:

Сии законы именуется *фундаментальными* не в том смысле, что оные могут быть независимыми от воли нации, но потому, что учреждения, существующие и действующие благодаря им, не вправе их изменять. В каждой своей части *конституция* не есть создание власти учрежденной, но власти учреждающей. Ни одна выбранная власть не может ничего изменять в условиях ее избрания. Только в этом смысле *конституционные законы* носят название *фундаментальных*. Первые законы, которые учреждают законодательное собрание, основаны на воле нации до всякой конституции; они образуют ее первую ступень⁴⁵.

⁴³ De l'organisation d'un état monarchique, ou Considérations sur les vices de la monarchie Française & sur la nécessité de lui donner une Constitution. Paris, 1789. P. 5—6.

⁴⁴ [Siyès E.J.] Qu'est-ce que le Tiers-état. Paris, 1789. P. 74.

⁴⁵ Ibid. P. 76.

Мы видим, что Сийес отразил уже сложившееся к началу революции современное понимание *конституции* как акта, устанавливающего права нации и в то же время закрепляющего государственную систему, основанную на народном представительстве. Таким образом, *конституция* — это фундаментальный «неизменный» закон для тех, кто, следуя воле нации, создает и исполняет конкретные законы, а не для самой нации, которая вольна изменить *конституцию*.

Как известно, точки над «i» в дискуссиях о *конституции* поставила *Декларация прав человека и гражданина*, принятая Учредительным собранием 26 августа 1789 года и положившая начало формированию первой писаной *конституции* во Франции. *Декларация* 1789 года утверждает, что «все общества, где не обеспечена гарантия прав и нет разделения властей, не имеет Конституции» («XVI. Toute société dans laquelle la garantie des droits n'est pas assurée, ni la séparation des pouvoirs déterminée, n'a point de constitution»)⁴⁶. Понимание *фундаментального закона* как неотъемлемого атрибута монархического правления теряет свое значение, и *loi fondamentale* становится синонимом конституции в революционной Франции.

Таким образом, в политическом и правовом дискурсе понятия *конституция* и *фундаментальные законы* в XVII—XVIII веках имели разные коннотации: *конституция* прежде всего означала форму правления, а *фундаментальные законы* — исторически сложившиеся правовые обычаи, ставшие нормой политического права. Идея о том, что *конституция* непосредственно может быть выражена в *фундаментальных законах* или сама есть *фундаментальный закон* государства, была отчетливо высказана в середине XVIII века в трудах швейцарских юристов, но окончательное закрепление семантической общности терминов произошло только в 1780—1790-е годы прежде всего у французских публицистов накануне Революции. Причем самое радикальное понимание *конституции* в XVIII веке не только объединяло ее с понятием *фундаментального закона*, но и требовало закрепления в последнем гражданских прав и свобод, а также их гарантий. Впрочем, такое осмысление, появившееся в конце века, было далеко не всеобщим, и еще достаточно долгое время вокруг *конституции* шла «война перьев» и продолжалась борьба между разными пониманиями этого концепта.

⁴⁶ Constitutions des principaux états de l'Europe et des états-Unis. Paris, 1791. T. 3. P. 350.

**«Самодержцы, живущие под основательными
законами государства,
благополучнее самовластных государей»**

Первые упоминания термина *конституция* в России появляются в дипломатической переписке XVII века, связанной с «польскими делами», где под *конституцией* подразумевается опубликованное постановление польского сейма. Так в грамоте царя Алексея Михайловича от 29 ноября 1653 года говорится «А в констытуцые 1637 году напечатано, что на таких людей, которые учнут наши царского величества титулы убавливать или переменять, положено право латынским языком *penam perduellionis*, то есть на тех винных смертная неотпущательная казнь и отлучение имения»⁴⁷. В 1704 году Петр I в грамоте к польскому королю говорит, что их союз «против короля Свейского» должен «сеймовою конституциею подтвердится»⁴⁸.

Составители русских словарей XVIII века, включая в них понятие *конституция*, следуют за немецкими и французскими лексиконами в определении этого термина. Правда, судя по этим источникам, слово *конституция* было вообще малоупотребимо в России XVIII века: многие русские словари просто не имеют подобной статьи. К примеру, *Российский с немецкими и французскими переводами Словарь* Ивана Нордстета, краткий *Словарь разноязычной в Письмовнике* Николая Курганова и, наконец, авторитетнейший *Словарь Академии Российской* такого термина не знают⁴⁹. Одним из первых словарей, в котором встречается термин *конституция*, был *Новый Лексикон* Сергея Волчкова, где можно прочесть: «*Constitution, f. edict. — constitutio, edictum — определе-*

⁴⁷ Дополнения к Актам историческим, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1857. Т. 6. № 138 (X). С. 433. Здесь как синоним *конституции* используется слово *устав* (Ср.: «а в прошлом 1637 году соймом о том подтверждено и в констытуцыю напечатано», далее о том же постановлении «уставом соймовым утвердили». Там же. С. 430). *Poenam perduellionis* — наказание за государственную измену.

⁴⁸ Письма и бумаги императора Петра Великого. СПб., 1893. Т. 3. С. 126.

⁴⁹ Российский с немецкими и французскими переводами Словарь. СПб., 1780; [Курганов Н.Г.] Российская универсальная грамматика, или Всеобщее письмословие, предлагающее легчайший способ основательного учения русскому языку. СПб., 1769; САР. СПб., 1792. Т. 3. С. 779 (там за *консисторией* сразу идет *консул*). Как, впрочем, *Словарь Академии* не знает и *законов фундаментальных* (Там же. С. 11–12).

ние, узаконение»⁵⁰. Примерно в то же время Василий Кириллович Тредиаковский переводит с французского *Политическое состояние Европы* для вице-канцлера Михаила Илларионовича Воронцова, который на полях этого перевода выписывает и объясняет мало-понятные термины. Напротив рассуждения о том, что император Германии может действовать только «по имперским конституциям», на полях Воронцов пишет красным карандашом — «узаконениям»⁵¹. Екатерининские политики также мало использовали этот термин, в то время как понятие *фундаментальные законы* употреблялось куда чаще⁵².

Впрочем, русские переводчики время от времени сталкивались с обоими понятиями. Вполне закономерно, что ранее всего эти термины появляются на страницах переводных политических сочинений 1720—1750 годов. Возможно, первым таким политическим трактатом, опубликованным в России, был уже упомянутый труд С. Пуфендорфа *De Officio Homini et Civis*. Из перевода этого трактата, выполненного Иосифом Кречетовским, отечественный читатель мог узнать понятие *фундаментальные законы*, которые выступают у русского переводчика как «законы основательные» или «основательные уложения». Так, говоря об отличии ограниченной монархии от абсолютной, Пуфендорф пишет о неограниченном властителе: «Совершенное правительство оный монарх имеет, который по своему разсуждению собственному оное управлять мо-

⁵⁰ Новый Лексикон на французском, латинском языках, переводу ассесора Сергея Волчкова. СПб., 1755. Ч. 1. С. 528. Схожее определение присутствует в *Полном французском и российском лексиконе* (1786): «*Constitution, f.* — учреждение, устав, закон» (Ч. 1. С. 234). Даже в словарях начала XIX века сохраняется множественное понимание: «*Constitution, f.* — составление, состав; сложение; учреждение, устав, узаконение, назначение, определение; конституция». Прилагательное *constitutionnel* рассматривается как «сходственный с Государственною конституциею», то есть с формой правления [Новый и полный французско-российско-немецкий словарь, составленный по лучшим и новейшим словарям. СПб., 1816. Ч. 1 (А—К). С. 427].

⁵¹ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Д. 179: Введение в политическое состояние Европы. Том первый. Переведено с французского чрез Василия Тредиаковского С. И. А. Н. Секретаря. Л. 56.

⁵² В основном «встречи» с *конституцией* происходили при изучении системы управления европейских стран. Так, в бумагах Н.И. Панина значатся сочинения с такими названиями: *Примечание на шведскую конституцию и Разсуждение о преимуществах и удобствах России быть защитницею Германской конституции* (№ 2 и № 11 под литерой «D» в *Регистре книгам графа Н.И. Панина* — РГАДА. Ф. 1274. Оп. 1. Д. 136. Л. 50 об.—51).

жет, [а] не по правилу *неких известных и всегдашних уложений*⁵³. Пуфендорф, а за ним и его переводчики раскрывают перед русским читателем возможности законного ограничения народом власти монарха:

Но понеже единого человека рассуждение от погрешения, не есть изъято, изволение на злая такожде приклонно, а наипаче в таковые свободе, некоторые народы усочетовали, такового правительства Правление, известными *некими границами описати*: что сотворили, егда кои *известным неким законам*, во управительстве частей Государства, при вручении правительства правителя обязали⁵⁴.

В то же время, что и сочинение Пуфендорфа, был переведен на русский язык и второй трактат *О правлении* Локка. Но в отличие от книги немецкого правоведа он не появился в печати в России, и это не удивительно. Автор, провозглашавший, что «монархия единовластная [...] собранию гражданскому во всем не согласуется, и не может назват[ь]ся правлением гражданским»⁵⁵, не мог быть опубликован в России XVIII века, хотя рукописные списки его книги распространялись довольно активно⁵⁶. Перевод был выполнен с французского издания по заказу князя Дмитрия Михайловича Голицына и восходил к амстердамскому изданию 1691 года⁵⁷. Французский перевод Давида Мазеля был осуществлен по первой публикации (1690) трактата Локка, между тем хрестоматийный текст восходит ко второму, исправленному автором изданию *Двух трактатов о правлении* (1694), отсюда разная нумерация глав и состав текста. Русский переводчик Локка довольно просто обходится с *les loix fondamentales*, переводя их везде как «основательные законы»⁵⁸.

⁵³ Пуфендорф С. О должности человека и гражданина по закону естественному. СПб., 1726. С. 436—437 (кн. II, гл. 9, § 6). Пуфендорф также упоминает фундаментальные законы, когда говорит о случае «егда многия отделенныя государства, или по согласию, или по случаю брака, наследия или победы, единого его имеют правителя, однакож тако, что для того в едино государство не совокупляются, но всякое по своим их законам *основательным*, чрез общаго правителя управляемо бывает» (Там же. С. 431—432).

⁵⁴ Там же. С. 437.

⁵⁵ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1677: О Правлении гражданском. С. 90.

⁵⁶ Сохранилось три списка русского перевода *О правлении* Локка первой половины XVIII века: ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II.41; РГАДА. Ф. 181. № 194; ОР РГБ. Ф. 178. № 1677.

⁵⁷ Du Gouvernement civil par M. Locke, traduit de L'Anglois. Amsterdam, 1691.

⁵⁸ ОР РНБ. Ф. 550. Ф. II.41. Л. 120.

Понятие *конституция*, в свою очередь, вызывает у переводчика непонимание. Он или опускает этот термин, когда может (например, вместо «*constitution originaire de cette assemblée*» — просто «оригинальные собрания»), или переводит его буквально, согласно словарю Академии, как «состояние»⁵⁹.

В 1768 году выходит русский перевод книги барона Якоба Фридриха Бильфельда, выполненный князем Федором Яковлевичем Шаховским, где дается следующее определение понятию *фундаментальные законы*:

Elles forment, dans leur totalité, une espèce de Droit Public qui se rapporte au Système de l'Etat & à l'arrangement que les Souverains ont fait dans leur pais respectifs. Ce Droit Public comprend aussi les Loix par lesquelles le Souverain est lié envers ses Sujets, comme la Capitulation Impériale, qui oblige l'Empereur envers l'Empire, les *Pacta Conventa*, que le Roi de Pologne est contraint de signer, *la Constitution fondamentale* de l'Angleterre, au maintien de laquelle le Roi de la Grande Bretagne s'engage par serment le jour de son Sacre &c⁶⁰.

Они вместе составляют некоторый род публичного права, которое относится к общей государственной системе и к учреждениям сделанным Государями в их землях. Сие публичное право заключает в себе так же и те законы, коими Государь обязуется своим подданным, какова есть Императорская капитуляция или договор, обязывающей Императора в разсуждение Империи; *Pacta Conventa*, или договор же, которой Короли Польские подписывать должны; *Основательное установление* в Англии, к содержанию котораго Великобританский Король обязывается клятвою, в день своего коронования, и проч.⁶¹

Но все-таки важнейшим, можно сказать, смыслообразующим для русской политической мысли второй половины XVIII века оказался трактат Монтескье *О духе законов*. Русские читатели могли с ним познакомиться в оригинале уже в 1750-е годы, он свободно продавался в академической книжной лавке. А вот его первый печатный перевод, выполненный Василием Ивановичем Крамаренковым, появляется только в 1775 году⁶², хотя мы встречали различ-

⁵⁹ ОР РГБ. Ф. 178. Д. 1677. С. 152—153.

⁶⁰ Institutions politiques / Par Monsieur le baron de Bielfeld. A La Haye, 1760. Vol. 1. P. 86.

⁶¹ Наставления политическия барона Билфелда. М., 1768. Ч. I. С. 109 (гл. 6, § 14: Основательные законы каждаго государства).

⁶² О Разуме законов. Сочинение Господина Монтескюя. Переведено с Французскаго В. Крамаренковым. СПб., 1775. Т. I. В.И. Крамаренков (1732 —

ные «опыты» перевода отдельных глав этого трактата в рукописных сборниках 1760-х годов⁶³. Крамаренков дает нам различные варианты перевода *les lois fondamentales*:

(II, 1) ...le monarchique, celui où un seul gouverne, mais par des lois fixes et établies...

(II, 4) Dans les états despotiques, où il n'y a point de lois fondamentales, il n'y a pas non plus de dépôt de lois.

(V, 11) Comme les peuples qui vivent sous une bonne police sont plus heureux que ceux qui, sans règle et sans chefs, errent dans les forêts; aussi les monarques qui vivent sous les lois fondamentales de leur état, sont-ils plus heureux que les princes despotiques, qui n'ont rien qui puisse régler le coeur de leurs peuples, ni le leur.

Самодержавное [правление. — С.П.] есть то: когда одна особа управляет; но по установленным неподвижным законам.

В самовластных государствах, в которых господствует безпредельная власть, и где нет *коренных законов*; там нет и залога законов.

Как люди живущие под благоразумным правлением несравненно благополучнее тех, кои без законов и предводителей скитаются по пустыням; так самодержцы живущие под *основательными законами* государства благополучнее самовластных Государей не имеющих ни чего того, что бы могло управлять сердцем народа и их собственным⁶⁴.

Как видим, В.И. Крамаренков использует несколько прилагательных для передачи понятия *фундаментальный*, но прежде всего это *основательный* и *коренной*. Собственно, именно эти прилага-

ок. 1800) — обучался в академической гимназии, переводчик Академии наук (1760—1765) и чиновник Сената (1765—1785).

⁶³ Переводу В.И. Крамаренкова предшествовал рукописный перевод А.П. Павлова (ум. 1781), хранящийся сейчас в Эрмитажном собрании ОР РНБ. Рукопись имеет заголовок «О прямом разуме законов. Переводил Лейбгардии Измайловского полку Полковой Квартермистр Александр Павлов». Ее создание можно датировать между 1764 и 1767 годами, когда А.П. Павлов был квартирмейстером Измайловского полка (IX класс), в январе 1768 года он стал капитан-поручиком (VIII). — ОР РНБ. Эрм. № 42: [Монтескье] О прямом разуме законов. Перевод Александра Павлова.

⁶⁴ О Разуме законов. С. 15, 35, 117—118. Для сравнения те же отрывки в переводе А.П. Павлова: «Монархическое есть то, где одна особа управляет, но по учрежденным и неизменным законам»; «В деспотических Государствах где нет Законов Государственных там нет и Хранилища законов»; «Сколь народы живут в добром Правлении, благополучнее тех, кои без всякого закона и власти странствуют по лесам, столь монархи, которые поступают по уложенным правам своего государства суть шастливые, нежели Государи самовластные, которые не имеют ничего такого, которое бы могло в порядок приводить жестокость сердец и народа, ниже так же и самих» (ОР РНБ. Эрм. № 42. Л. 9 об.—10, 18 об., 36 об.).

тельные были наиболее употребительными для передачи *fondamentale* в русском языке XVIII века.

Правда, Семен Ефимович Десницкий, переводя по заданию императрицы на русский язык труд английского правоведа Уильяма Блэкстона, не подбирает русский эквивалент, а калькирует английское прилагательное. Говоря о *Великой хартии вольностей*, Блэкстон утверждает, что мы не найдем «в сей грамоте не много находящихся новых выгод для народа, но кои суть паче [...] истинное признание *фундаментальных Аглинских законов*, нежели Акты, новья выгоды народу возглашающие»⁶⁵.

Во второй половине века среди переводной политической литературы в России со славой Монтескье соперничали разве что труды профессора Геттингенского университета Иоганна Генриха Готлиба Юсти (1717—1771), в частности его трактат *Die Natur und das Wesen der Staaten* был переведен Авраамом Волковым в 1770 году⁶⁶. Здесь Юсти определяет *Fundamentalgesetz* как «положенные же в *основание законов государства*, или от давних времен введенное обыкновение». Он утверждает, что *фундаментальные законы* должны существовать даже в неограниченных монархиях, и перечисляет их состав:

Каждая безпредельная власть ради собственного своего благополучия должна себя ограничивать, по крайней мере *основательными своими правилами*. [...] Сии *основательные правила*, по которым предприимется, вольности и имения подданных никогда не касаться, правителю и его министрам в правление и порядочное течение справедливости никогда не вступаться, собираемых с подданных податей не увеличивать, хотя бы к тому и право было, так же и без крайней нужды войны не начинать; такая *основательная правила*, говорю я, умерят всегда неограниченную власть благоразумным весьма и преимущественным образом, и произведут к благополучию государства наилучшие действия⁶⁷.

Собственно для Юсти «единоначалие» (монархия) наличествует там, где «положенные в основание учреждения не колеблемо на-

⁶⁵ Истолкование Аглинских законов Г. Блэкстона / Переведенный по высочайшему повелению Великой Законодательницы Всероссийской с подлинника Аглинского. Кн. 1. М., 1780. С. 330.

⁶⁶ Существенное изображение естества народных обществ и всякого рода законов сочиненное Господином Юсти. СПб., 1770. Оригинал вышел на 10 лет ранее перевода: *Justi J.H.G. von. Die Natur und das Wesen der Staaten, als die Grundwissenschaft der Staatskunst, der Policey, und aller Regierungswissenschaften, desgleichen als die Quelle aller Gesetze, abgehandelt.* Berlin; Stettin; Leipzig, 1760.

⁶⁷ Существенное изображение естества народных обществ. С. 83, 75, 76—77.

блюдаются, где все чины правами своими пользуются, и где народ под установленными законами безопасно живет»⁶⁸.

В 1770-е годы Михаил Михайлович Щербатов работал над переводом книги Поля Гольбаха *Естественная политика* (1773)⁶⁹. Хотя этот труд французского просветителя не вносил каких-либо новых и существенных идей в историю общественных наук, он суммировал достижения передовой политической мысли Просвещения. Щербатова привлекла прозрачность определений Гольбаха, в том числе политико-правовой терминологии, ему оказалось близко и понимание фундаментальных законов:

Окроме общих и естественных пределов, которые каждый Государь принужден почитать во исполнение своея власти, есть сообщества, которые еще положили подробнейшии правила в границы власти своих начальников. Сии принуждены им покорятся, понеже они суть очевидное изъявление воли народов. Сии границы, известны наименованием *основательных законов*, принуждают Государя управлять определенным образом, и наблюдать порядок или непременные правила во управлении Государства: в законодательстве, во исполнении законов, и во употреблении сил Государства; они утверждают порядок наследия Государей, права разных степеней граждан, богослужение, и прочее. Какого бы свойства не были сии законы, они не могут быть отрешены, как токмо тою же властью, которая их утвердила⁷⁰.

Данное понимание «основательных законов», наряду с их трактовкой у Монтескье, оказало важнейшее влияние на политические представления князя М.М. Щербатова. У него, так же как и у большинства русских мыслителей второй половины XVIII века, понятие *фундаментальные законы* было непосредственно связано с пониманием «истинной монархии» и попытками ее обретения на отечественной почве. Русские читатели Монтескье и Гольбаха постепенно уверовали, что государи и их подданные, «живущие под *основательными законами* государства», благополучнее тех, что обретались в незаконном «самовластии». На этой почве рождается идея «законной монархии», которая завоевывала все большую власть над умами читающей публики. Так что в данную эпоху в

⁶⁸ Существенное изображение естества народных обществ. С. 89. Чины А.С. Волков использует, чтобы перевести *Stände*.

⁶⁹ [Holbach P.H.Th.] *Politique Naturelle, ou Discours sur les vrais principes du Gouvernement*. Londres, 1773.

⁷⁰ ОР РНБ. Эрм. № 229: *Щербатов М.М.* Сборник переводов. 1770—80-е гг.

публицистике расцветает «монархическая» риторика, базирующаяся на концепте «основательных законов», и ее активно используют как Екатерина II, так и ее дворянские критики.

Итак, вследствие растущего интереса к европейской политической мысли русская образованная «публика» активно знакомится с новыми западными концепциями, которые оказывают значимое влияние на становление отечественной политической теории. Именно благодаря переводу сочинений самых разных европейских политических мыслителей в русском языке не только появляется, но и постепенно усваивается понятие *фундаментальные законы*, а вместе с ним и термин *конституция*. Но, как мы далее увидим, *конституция*, несмотря на свое раннее проникновение в русский политический лексикон, долгое время находится в тени *фундаментальных законов* и редко становится частью дискурсивных практик русских пишущих «политиков» вплоть до конца XVIII века.

«Правление наше столь же твердое постановление и коренные законы имеет как и все монархическия»

Приведенные в заголовке слова взяты из известного сочинения Ивана Никитича Болтина; они несут пыл той ожесточенной дискуссии, которая занимала умы политических мыслителей второй половины XVIII века. Вопрос, который активно дебатировался в исторических, юридических, публицистических сочинениях эпохи, можно сформулировать следующим образом: является ли Россия «подлинной монархией» с «коренными законами», или она есть «прямая деспотия», где отсутствуют какие-либо неизменные законы и царит полный произвол самовластного деспота? Очевидно, что «постановление» у Болтина есть прямой перевод *конституции*, а «коренные законы» — аналог *lois fondamentales*. Русский историк выступает здесь как апологет позиции самой императрицы, в то время как отдельные представители дворянской элиты пытались оспорить наличие каких-либо «непременных законов» в России и выдвигали свои проекты их введения.

Оригинальные сочинения русских авторов XVIII века, в которых использовались понятия *конституция* и *фундаментальные законы*, связаны прежде всего с элитарным политическим дискурсом. Сравнительно редко эти понятия встречаются в печатных сочинениях, предназначенных для публики. Прежде всего мы найдем данные термины в литературе государственных проектов, в записках

и публицистических сочинениях, написанных для узкого круга дворянской образованной элиты, связанной с высшей государственной службой. Причем активное использование изучаемых концептов приходится на вторую половину XVIII века, что свидетельствует об их сознательной и успешной адаптации именно в этот период.

Действительно, в первой половине XVIII века данные термины практически отсутствуют в русской политической литературе. Во многом подобное пренебрежение понятием *фундаментальные законы* было связано с официальной позицией самодержавия и его идеологов, не приветствовавших идею какого-либо ограничения воли монарха. Более чем определенно по этому поводу высказался Феофан Прокопович в *Правде воли монаршей* (1722), где он утверждает, что так как «всяк самодержавный Государь» обладает «маестатом» (то есть суверенитетом), то он «человеческого закона хранить не должен, колми же паче за преступление закона человеческого не судим есть: Заповеди же Божия хранить должен, но за преступление их токмо богу ответ дать, а от человек судим быти не может»⁷¹. Монарх не подвержен никакому закону, соответственно он не должен соблюдать законы «основательные», подразумевавшие сохранение традиционного права, на которое и посягал Петр Великий своими реформами, будучи заказчиком и, возможно, соавтором Феофана. Поэтому Прокопович даже не упоминает существования *lex fundamentalis* как такового, хотя прекрасно о нем знает. Собственно сам Петр I также весьма отрицательно относился к этому понятию. Примечательна его беседа с датским послом Гансом Георгом Вестфаленом осенью 1715 года, во время которой речь зашла о регентстве после недавно умершего Людовика XIV⁷². Петр, восхищаясь деяниями французского короля, с осуждением высказался о его завещании. Вестфален попытался возразить, что престолонаследие во Франции определяется *фундаментальными законами* и монарх не волен их менять:

Ответствовал я ему, что *законы основательные* во Франции учреждают, в случае малолетства Короля, первого кровного Князя —

⁷¹ Правда воли монаршей во определении наследника державы своей. СПб., 1722. С. 22.

⁷² Донесение Ганса Георга Вестфалена от 4/15 ноября 1715 года полностью опубликовано во французском оригинале в книге: *Bushkovitch P. Peter the Great: The Struggle for Power, 1671—1725*. Cambridge, 2004. P. 348—349.

Регентом Королевства; Покойный Король Франции не мог вовсе исключить Дюка Орлеанского из регентства, доколе юный Король будет мал [...] Сие жестокостью было бы к своей собственной крови нарушить и растоптать ногами закон о Престолонаследии, от коего Король Франции не волен совершенно уклониться, понеже поступок сей, кроме как пустой сам по себе, будет и ценности ничтожной: полагали бы его жестоким и зело удивительным, и дал бы оный основание и оказию к войне гражданской.

Но Петр даже не принял возражений, для него «польза государства» стоит выше всяких законов, и потому он утверждает:

...разве Вы, продолжал он, обвините в жестокости того Государя, каковой, дабы спасти и сохранить свое Государство, кое ему должно быть дороже самой крови в венах его, решился бы изменить кровное Престолонаследие, но именовал бы я соделаньем величайшей из всех жестокостей принесение Блага Государства в жертву обычному установленному праву наследия⁷³.

Очевидно, что понятие *фундаментальных законов* не вписывалось в систему взглядов Петра, где монарх выступал демиургом государства, вольным определять его бытие. Создавая *Устав о престолонаследии* 5 февраля 1722 года⁷⁴, утверждавший, что «всегда в воле правительствующего государя, кому оной хочет, тому и определит наследство», Петр I подрывал саму идею фундаментальных законов. Это хорошо осознал М.М. Щербатов, который писал, что «твердое основание и положение о порядке наследства на престол, утверждает спокойствие государств», а «Россия, за недостатком такого права [...] довольно несчастий претерпела». По мнению историка, манифест Петра о престолонаследии «есть действие совершенно деспотическое» и не может быть правовым актом, поскольку устанавливает произвол⁷⁵.

«Верховники» в 1730 году хотя и не использовали понятие *фундаментального закона*, по-видимому, подразумевали его, работая над так называемой *Формой присяги*, которая должна была стать «писаным» фундаментальным законом России. В ней прямо утвер-

⁷³ *Bushkovitch P. Peter the Great*. P. 348.

⁷⁴ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 6. № 3.893.

⁷⁵ Размышления о законодательстве вообще // Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. 1: Политические сочинения / Под ред. И.П. Хрущева. СПб., 1896. С. 390—391.

ждалось, что «не персоны управляют закон, но закон управляет персонами»⁷⁶.

Впервые *фундаментальные законы* упоминаются в оригинальном политическом сочинении в 1756 году — в *Записке для памяти Ивана Ивановича Шувалова*, написанной по заказу императрицы Елизаветы Петровны⁷⁷. Шувалов ссылается на инициативу самой императрицы «постановить» *фундаментальные законы* при создании нового *Уложения*. Он тут же приводит их русский эквивалент — «непременные», который потом будет часто использоваться политиками эпохи⁷⁸. Желание императрицы ввести подобные установления вполне объяснимо, если помнить, что русская политическая элита уже познакомилась с *Духом законов*, и, видимо, ее представителей не могло не волновать замечание автора о том, что Россия — деспотическое государство. То, что М.М. Щербатов назвал «славолюбием», двигало Елизаветой не менее, чем Екатериной II, правда, обе монархини назвали бы это иначе — *La Gloire*. Как и большинство монархов Европы, они ориентировались на идею «Славы», которая ведет великих людей к бессмертию через деяния во имя блага государства⁷⁹. Невозможно объяснить поведение Елизаветы, если не

⁷⁶ РГАДА. Ф. 3. Д. 4. Л. 18 об.

⁷⁷ Бумаги И.И. Шувалова // Русский Архив. Кн. 1. 1867. Стб. 79—85 (документ № VIII). По косвенным данным мы датировали записку серединой 1756 года — см.: Польской С.В. Политические проекты И.И. Шувалова конца 1750-х — начала 1760-х годов // Философский век. Альманах. Вып. 13: Российская утопия эпохи Просвещения и традиции мирового утопизма/ Отв. редакторы Т.В. Артемьева, М.И. Микешин. СПб., 2000 (полная электронная версия альманаха: <http://ideashistory.org.ru/a13.html>).

⁷⁸ «Ваше императорское величество, изволили разсудить, чтоб при исправлении законов постановить некоторые *фундаментальные*, которых сама польза, благополучие Вашего императорского величества подданных *непременными* делают» (Бумаги И.И. Шувалова. Стб. 79).

⁷⁹ Норберт Элиас в своем исследовании «социологии короля и придворной аристократии» отмечает, что в абсолютной монархии «символы власти начинают жить собственной жизнью и приобретают характер фетишей престижа. Подобным фетишем престижа, лучше всего выражающим самоценность существования короля, является идея «Славы» [...] внешняя политика Людовика XIV, как и его внутренняя политика, останутся непонятными, если не представлять себе взаимосвязи между структурой его самовосприятия — образа его самого и его славы» (Элиас Н. Придворное общество / Пер. с нем. А.П. Кухтенкова, К.А. Левинсона, А.М. Перлова и др. М., 2002. С. 167). Эта идея «Славы» заразила и других европейских монархов, в том числе русских. Финкенштейн говорит о Елизавете Петровне: «...императрица любит разом и удовольствие, и некую воображаемую славу» (Финк фон Финкенштейн К.В. Общий отчет о русском дворе // Лиштенан Ф.Д. Россия входит в Европу. Императри-

помнить об этом. Дочь Петра Великого ориентировалась на активное участие в делах Европы и требовала признания не только величия России, но и ее цивилизованности, равной европейской. Поэтому она вовлекает империю в две общеевропейские войны, которые были для России скорее статусными, чем прагматическими, не принимает послов, которые не адресуются к ней как к императрице, заказывает самому известному писателю Европы Вольтеру историю своего отца, а Ивану Ивановичу Шувалову — проект фундаментальных законов. Деспотический характер власти переводил Россию в статус неевропейских, нецивилизованных держав, а сравнение с Османской империей претило императрице: ее личная *La Gloire* в этом случае теряла свой блеск, поскольку, как утверждал Монтескье, «цель деспотических государств — наслаждения государя, цель монархий — слава государя и его государства»⁸⁰. Возможно, этим фактором можно объяснить желание Елизаветы Петровны установить неперменные законы. По-видимому, утверждения Монтескье из пятой книги *Духа законов* вызывали противоречивые чувства у императрицы, эти строчки и льстили ей, и пугали ее:

(V,14) Voyez, je vous prie, avec quelle industrie le gouvernement moscovite cherche à sortir du despotisme, qui lui est plus pesant qu'aux peuples même. On a cassé les grands corps de troupes; on a diminué les peines des crimes; on a établi des tribunaux; on a commencé à connoître les lois; on a instruit les peuples. Mais il y a des causes particulières, qui le ramèneront peut-être au malheur qu'il vouloit fuir.

Посмотрите только, с каким старанием *Российское правление* ищет низвергнуть с себя иго самовластия, которое ему тягостнее, нежели самому народу. Уничтожены там многочисленные полки войск, уменьшены казни на преступников, учреждены судные места, начали познавать законы, начали учить народ. Но беречься ему должно, чтобы опять не подвергнутся в то несчастье, которого он избегает⁸¹.

ца Елизавета Петровна и война за Австрийское наследство, 1740—1750 / Пер. В.А. Мильчиной. М., 2000. С. 302). Щербатов бросает Екатерине II упрек в том, что «все царствование сей самодержицы означено деяниями, относящимися к ее славолюбию» (О повреждении нравов в России князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева: Факсимильное изд. / Под ред. М.В. Нечкиной, Е.Л. Рудницкой; Вступит. ст. и коммент. Н.Я. Эйдельмана. М., 1983. Приложение. С. 126).

⁸⁰ Livre XI, chapitre V: De l'objet des états divers: «...les délices du prince, celui des états despotiques; sa gloire et celle de l'état, celui des monarchies».

⁸¹ О Разуме законов. Сочинение Господина Монтескьюя. С. 122. Обратите внимание, что Крамаренков заменил *московитское*, считавшееся оскорбительным, на *Российское*.

Однако Монтескье настаивал, что *московиты* живут при деспотии ввиду отсутствия у них *фундаментальных законов*. Кажется, это утверждение во многом подвигло Елизавету Петровну на попытку установить таковые.

Шувалов фактически подготовил для императрицы манифест с преамбулой, в которой объяснялись причины дарования *фундаментальных законов*: Елизавета как «воздаяние» пред богом за благополучное восшествие на престол решила «изыскать способы к блаженству и благополучию» своего народа, поэтому она заблаго-рассудила «установить *фундаментальные и неприменные законы* в его пользу при исправлении нынешних законов, утвердить и открыть путь к общему благополучию» в надежде, что подданные «восчувствуют благодарность и усугубят свои услуги любезному отечеству». Шувалов предлагает императрице «уверить и обещать перед Богом, как за себя, так и за наследников своих следующие законы свято, нерушимо сохранять и содержать и повелевать всем верноподданным, как истинным детям отечества, во всех случаях наблюдать их непоколебимость и ненарушение и в сем указать учинить присягу»⁸². Иными словами, речь идет о клятве ограниченного монарха, о которой говорили все юристы эпохи от Пуфендорфа до Ваттеля. Далее следуют собственно *Пункты фундаментальных законов*, предполагающие: утверждение «Греческого православного закона» и прав церкви (1—4); закрепление статуса Сената, служащих администрации, армии и флота (5—12), прав дворянства (13—15), солдат, купцов и крестьян (16). Хотя в наброске Шувалова подробно описаны только права дворянства (ограничение службы 26 годами, запрет конфискации родовых имений и освобождение от политической казни), но стремление утвердить права сословий свидетельствует о знакомстве с идеями Монтескье.

Предложения Шувалова так и остались нереализованными. Елизавета Петровна, видимо, отказалась от конфирмации манифеста и пошла «другим путем», оказавшимся впоследствии весьма близким русской правящей элите, — ничего не меняя, объявить Западу, что в России все и так идет замечательно. Служащий коллегии иностранных дел, член Уложенной комиссии и известный правовед Фридрих Генрих Штрубе де Пирмон (1704—1790) получил от двора заказ на написание книги, которая должна была опровергнуть «клеветнические» обвинения Монтескье, касающиеся России. Заказ был выполнен, и в 1760 году Штрубе анонимно опубликовал свои *Lettres Russiennes*⁸³. Автор в эпистолярной форме обращается к некоему знатному лицу, «по приказу и желанию» которого он должен «несовершенныя известия» Монтескье «разбирать». Штрубе пытается доказать, что кроме монархии ограниченной (*la Monarchie ou pouvoir limité*), где правит «un Monarque, qui vit sous les loix fondamentales de son Etat» и которую описывает Монтескье, существует монархия абсолютная (*la Monarchie absolue*), отличающаяся от пресловутой деспотии наличием законов и гражданских прав. Ее правитель есть Государь «гражданской монархии» (*Le Chef d'un Etat civil*). Главное отличие абсолютной монархии от монархии ограниченной — это отсутствие договоров между монархом и народом и, соответственно, *фундаментальных законов*.

Еще в 1761 году был сделан русский рукописный перевод сочинения Штрубе, который позволяет нам увидеть, как русский переводчик справляется с терминологической казуистикой Штрубе. Так, автор *Русских писем* упрекает Монтескье в том, что «он четыре правительства, или четыре вес[ь]ма различных способа к правлению, в одно место смешал: *подлинное деспотство; монархию самовластную; насильственное правление; и варварское*». Далее Штрубе, сравнивая эти четыре «правления», отмечает, что «деспотизм» и «самодержавие» сходны неограниченным характером власти, но имеют и существенное отличие:

Деспота (sic) не взирая на общую пользу, велит себе во всем том повинovat[ь]ся, что до него собственно, и до персональных его интересов касается. Принадлежащие ему рабы ничего своего не имеют; да все их стяжание, в государственной воли и власти. Гражданской Монархии Государю, покоренные народы, во всем том праведно повинуются, что к общей пользе касат[ь]ся может; а без того бы сей Монарх, не мог исполнить должностей, соединенных с его высоким достоинством: ни сохранить подданным своим того, что у них есть, или что им должно. В касающемся до собственной его пользы по той мере самовластен; сколько сия польза, с государственным интересом нераздельна⁸⁴.

⁸³ [Strube de Piemont F.H.] *Lettres Russiennes. Dirigées contre l'Esprit des Loix de Montesquieu. Saint-Petersbourg, 1760*. Великая княгиня Екатерина Алексеевна в том же году написала язвительные заметки по поводу этой книги, опубликованные в книге: Сочинения императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12.

⁸⁴ ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q. II. 101: *Lettres Russiennes* на французском языке изданы 1760 года, а со онаго на российской язык переведены 1761 года.

⁸² Бумаги И.И. Шувалова. Стб. 83.

Разграничив таким образом деспотизм и «самовластную монархию», Штрубе далее доказывает, что «Россия никогда деспотическим государством не бывала, да от глубокой древности, истинными монархами управлялась»⁸⁵. Но эти монархи никогда не были ограничены законами и сами выступают источниками права⁸⁶. При этом все народы империи «подлинною гражданскою свободою наслаждаются». Интересно, что сам Штрубе, отрицая принципы Монтескье, использует его характеристики «истинной монархии» для доказательства существования в России «гражданской монархии», в частности он подробно говорит о правах дворянства и сословий в России, утверждая, что «российское шляхетство никогда прав своих лишено не бывало, а города и местечки сей империи преисполнены художниками, купцами, и таких разных родов и званей люд[ь]ми, кои ни в дворянство, ни в церковный чин не вмещены»⁸⁷. Этот пассаж вызвал удивление внимательной читательницы Штрубе — великой княгини Екатерины Алексеевны, которая напротив упоминания дворянских прав тактично спрашивает «Mais quels sont-ils?», а вот очередная ложь автора о «преисполненности» русских городов уже выводит ее из

Л. 53—53 об. В оригинале: «Malgré l'égalité du pouvoir, dont jouissent le Despote à le Chef d'un Etat civil, il est constant que le pouvoir de l'un découle d'une source, qui n'a rien de commun avec celle d'où vient le pouvoir de l'autre. Le premier, sans faire attention au bien général, se fait justement obéir en tout ce qui l'intéresse personnellement; les serfs, qui lui appartiennent, n'ayant rien à eux, lui doivent tout. Le Chef d'un Etat civil se fait justement respecter en tout ce qui a rapport au bien public: sans quoi il ne pourroit remplir les devoirs attaches a sa dignité, ni conserver a ses sujets ce qu'ils ont, ou ce qui leur est dû. Il n'est absolu en ce qui regarde sa propre utilité, qu'autant que cette utilité est inséparable de son Etat» (*Штрубе де Пьемонт F.H.*) Lettres russiennes. Lettre Huitième. P. 95—96.

⁸⁵ ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q.II.101: Российския письма. Л. 129.

⁸⁶ «Правительство Российской империи [...] есть самодержавная и такая гражданская монархия, что покоренные сему государству народы, управляются от единого, теми законы и правилами, что самодержец, к общему благу народа своего за способно и приличнейшее разсудить изволит; а таких и договоров отнюдь там нет кои бы высокую волю власть и силу монаршу по делам правления его, в границы или пределы привесть могли» (Там же. Л. 115—115 об.).

⁸⁷ ОР РНБ. Ф. 550. ОСРК. Q.II.101. Л. 133 об.; (*Штрубе де Пьемонт F.H.*) Lettres russiennes. P. 220. Далее он утверждает: «Je passe aux personnes, qui forment ici le Tiers-Etat. On les a divisées en différentes classes, dans lesquelles ceux qu'on appelle Possadskie liodt, qui demeurent dan les villes à reviennent par-là à vos bourgeois, sont le plus considérables, parce que les marchands y sont compris» (Ibid. P. 229—230).

себя — «Morbleu! ce sont donc des serfs ou des affranchis ou des déserteurs»⁸⁸.

Нужно отметить, что эти заметки будущей императрицы на книгу Штрубе хорошо известны исследователям и часто служат основанием для суждений о ее «подлинных» политических идеалах, особенно часто цитируется ее утверждение в конце книги о необходимости деспотического правления для России⁸⁹. Заметки Екатерины напоминают ее замечания на книгу Александра Николаевича Радищева: Екатерина в обоих случаях выступает сразу в двух ипостасях — как просвещенный читатель и как политик-реалист. Эта «двойная позиция» часто заводила исследователей в тупик. Екатерина язвительно критикует Штрубе как последовательница Монтескье, но как будущая императрица она частично принимает его позицию. Интересно, что 10 лет спустя ей самой пришлось выступить в роли Штрубе, и она ловко использовала как его идеи, так и свои замечания, набросанные на полях *Русских писем*. Опубликованный анонимно в 1770 году ее *Антидот* должен был явиться «противоядием» против «отравленной ложью» книги аббата Шапп д'Отроша⁹⁰. Как полагает Исабель де Мадариага, это «утомительное и скучное сочинение» императрицы «показывает, что именно Екатерина II в действительности считала правдой о прошлом и настоящем России, а не в чем она старалась уверить других»⁹¹. Здесь не мог не встать вопрос о фундаментальных законах и об их значении в различении монархии и деспотии. Екатерина, возмущенная постоянными упреками в деспотизме, восклицает:

L'odieuse dénomination de Despote, que l'Abbé ose donner continuellement au Souveraine de Russie, est un autre trait, qui démontre bien

⁸⁸ Заметки на книгу Штрубе де Пирмонта / Сочинения императрицы Екатерины Второй на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. СПб., 1907. Т. 12. С. 673.

⁸⁹ «Un Grand Empire comme celui de Russie se détruiroit, s'il y étoit établi une forme de Gouvernement autre que Despotique [...] Ainsi prions seulement Dieu qu'il nous donne toujours des maitres très raisonnables, qui se conforment aux Lois et n'en fassent qu'après mûr examen et uniquement en vuë du bien de leurs sujets» (Заметки на книгу Штрубе де Пирмонта. С. 674).

⁹⁰ Книга Ж. Шапп д'Отроша *Voyage en Sibérie* вышла в 1768 году и уже в 1770 году анонимно, без указания места издания, вышел *Antidote ou Examen du mauvais livre superbement imprimé intitulé: Voyage en Sibérie*, где от имени некоего русского опровергаются «измышления» аббата. Академик А.Н. Пыпин убедительно доказал, что авторство *Антидота* принадлежит Екатерине II.

⁹¹ Мадариага И. де. Россия в эпоху Екатерины Великой / Пер. Н.Л. Лужецкой. М., 2002. С. 539.

sa mauvaise volonté. Je voudrais bien savoir, Mr. l'Abbe, qu'est-ce c'est que le mot de Souverain chez vous? Est-ce un Roi qui fait des loix? Notre Souverain en fait autant. [...] Vous m'alléguerez vos *loix fondamentales*, et moi je vous répondrai, qu'elles sont encore un problème continuellement en dispute; combien de fois vos Parlemens n'ont-ils pas soutenu, que telle chose étoit selon ou contre les *loix fondamentales*, et combien de fois la cour ne leur a-t-elle pas répondu par un démenti, ou par un ordre de se taire? Vous me direz, que cette dispute même prouve qu'il y en a; et le démenti et l'ordre de se taire ne prouvent-ils point aussi un pouvoir absolu? Je sais bien qu'on vous fait accroire que votre pays est le centre de la liberté, tandis qu'en effet vous êtes subjugués de corps, d'âme, de cœur et d'esprit. [...] Ne vous vantez donc pas trop, mais prions Dieu plutôt, qu'il nous donne toujours des Souverains, qui soient justes et qui aient du respect pour leur propre gloire, et alors nous serons assez heureux⁹².

Сравнивая французскую и русскую монархию, Екатерина приходит к выводу об их идентичности: и та и другая абсолютны по своей природе, здесь только «писанная воля государя именуется законом». Императрица, отрицая «тиранический деспотизм» (*despotique tyrannique*), фактически заимствует идею «гражданской монархии» ранее раскритикованного ею Штрубе де Пирмонта. По ее мнению, России необходима неограниченная монархия, поскольку «les sujets se soient plaints de leur forme de gouvernement, et réellement c'est la seule qui puisse exister en Russie vu l'entendue de

⁹² Сочинения императрицы Екатерины II на основании подлинных рукописей и с объяснительными примечаниями академика А.Н. Пыпина. Т. 7: Антидот. СПб., 1901. С. 24—25. Перевод: «Постылое наименование Деспота, каковое Аббат жалует постоянно Самодержцу Российскому, вот иной пример, что являет нам его злую волю. Желал бы я знать, Мосье Аббат, что есть слово Государь у вас? Ежели это Король, что создает законы, так наш делает то же самое. [...] Вы приведете мне ваши *законы неперменные*, и я отвечу вам, что оные суть вопрос постоянно оспариваемый; сколько раз ваши Парламенты заявляли, что то или иное противно *законам неперменным*, и сколько раз Двор отвечал токмо опровержением или повелением молчать. Вы мне скажете, что сам диспут сей доказует, что оные имеются; а опровержение и повеление молчать не доказуют ли с тем же успехом наличие власти абсолютной. Мне хорошо известно, что вас принуждают уверовать в то, что ваша страна есть оплот свободы, в то время как вы поработены телом, душой, сердцем и разумом. [...] Потому не заноситесь столь высоко, но вознесем лучше молитвы Богу, дабы даровал он нам постоянно Государей, кои были бы справедливы и кои обладали бы уважением к своей чистой славе, и тогда мы будем довольно счастливы». Последняя фраза почти полностью совпадает с заметкой Екатерины в книге Штрубе (см. примеч. 89).

l'Empire»⁹³. Екатерина, не отказываясь от самого понятия *фундаментальные законы* и активно используя его в своей законотворческой деятельности, демонстрирует в *Антидоте*, что для абсолютной монархии они не столь важны, гораздо важнее личные качества государей и «respect pour leur propre gloire» — от этого, собственно, и зависит «счастье подданных». В этом отношении к *фундаментальным законам* Екатерина, по сути, не далеко ушла от Петра и Елизаветы, полагавших не законы, а «чистую славу» государя залогом его «благих деяний».

Как видим, уже на рубеже 1750—1760-х годов в дискуссии вокруг понимания *монархии* зародилось разное отношение к проблеме *фундаментальных законов*. Следует констатировать, что в это время образованному дворянскому обществу был присущ повышенный интерес к правам сословий и особенно к положению высшего сословия в монархии. Элитарная «публика» скорее разделяла идею Монтескье «Point de Monarque, point de Noblesse; point de Noblesse, point de Monarque», чем взгляды его ниспровергателя Штрубе. Семен Андреевич Порошин отметил в своем дневнике характерную реплику графа Никиты Ивановича Панина о Штрубе: «il a dit tout ce qu'il a pu dire, а Монтескиу все Монтескиу останется»⁹⁴. Несомненно, что почерпнутая у Монтескье идея монархии, ограниченной правами сословий, оказала существенное влияние на политические взгляды дворянской элиты 1750—1760-х годов.

Свидетельством тому может служить деятельность Романа Илларионовича Воронцова, который, будучи с октября 1760 года главой елизаветинской Уложенной комиссии, попытался не просто закрепить права дворянства, но сделать их неперменным законом империи. Он был хорошо знаком с книгой Монтескье, о чем свидетельствует его переписка⁹⁵. Воронцову явно были чужды идеи

⁹³ Сочинения императрицы Екатерины II. Т. 7. С. 82. Перевод: «...подданные никогда не жаловались на форму правления, и подлинно она есть единственная, коя может существовать в России ввиду устройства сей Империи».

⁹⁴ Порошин С.А. Записки, служащие к истории его императорского высочества благоверного государя цесаревича и великого князя Павла Петровича. СПб., 1881. С. 227—228.

⁹⁵ Р.И. Воронцов писал 2 (13) января 1767 года сыну А.Р. Воронцову: «Рекомендуй Андреяну Ларионовичу [Дубровскому], чтоб он потрудился в переводе сочинения Монтескьева о *Законах* или о *Разуме законов*, а какую часть его сочинения ему переводить, о том я писал к нему в приложенном при сем письме. Я надеюсь на его знание в Российском языке и на искусство в переводах и уповаю, что если он примет только на себя сей труд, то и окончит с успехом»

Штрубе, но, в отличие от великой княгини Екатерины Алексеевны, он связывал будущее России с укреплением сословных прав и привилегий дворянства. По его мнению, описание прав других *состояний* было возможно только относительно положения дворянства, поэтому центральное место в третьей части *Нового Уложения* приобретает глава 22, где права «благородных» становятся основой благополучия государства. В царствование Петра III отец его фаворитки выступил инициатором отмены обязательной службы дворянства и стал, вместе с Александром Ивановичем Глебовым, автором манифеста *О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству*. Несмотря на разногласия Р.И. Воронцова и А.И. Глебова по отношению к правам дворянства (прежде всего экономическим), они сошлись в вопросе о фундаментальных законах, которые ограничивали бы самодержавие посредством сохранения незабываемых прав и привилегий дворянства. Этот пункт черногового проекта Р.И. Воронцова буквально повторен в *Манифесте*, который заканчивался очевидной клятвой монарха: «Мы, Нашим Императорским словом, наиторжественным образом утверждаем, на всегда сие свято и ненарушимо содержать в постановленной силе и преимуществах, и нижепоследующие по Нас законные Наши Наследники в отмену сего в чем-либо поступить могут, ибо сохранение сего Нашего узаконения будет им *непоколебимым утверждением* Самодержавного Всероссийского престола»⁹⁶. Эта клятва делала манифест 18 февраля 1762 года *фундаментальным законом*, ограничивающим власть монарха в отношении прав подданных⁹⁷.

(Архив князя Воронцова. М., 1885. Т. 31. С. 55). А.Л. Дубровский (1732 — после 1779) — переводчик и писатель, окончил академическую гимназию, где служил до перехода переводчиком в Иностранную коллегию (1760). В 1766—1772 годах занимал должность переводчика в русском посольстве в Гааге при А.Р. Воронцове и Д.А. Голицыне.

⁹⁶ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 15. № 11.444. С. 914 (18 февраля 1762 г.: О даровании вольности и свободы всему Российскому Дворянству). В подлиннике проекта главы 22 третьей части *Уложения* выделена в черную рамку фраза о том, что вольность дворянства будет неперменным правилом для монарха и «*ниже преемники Наши по Нас вотмену сего в чем либо поступить могут: ибо сохранение онаго будет им непоколебимым утверждением самодержавного Всероссийского престола*» (РГАДА. Ф. 342. Оп. 1. Д. 63. Ч. II. Л. 381).

⁹⁷ Это прекрасно осознавали современники, так М.М. Шербатов, критикуя *Жалованную грамоту* 1785 года, ссылался на манифест 1762 года как на «*основательный закон* государства, яко в 9 пункте точно сие изображено». См.: *Шербатов М.М.* Примечания верного сына отечества на Дворянские права // ЧОИДР. 1871. Кн. 4. Ч. 5. С. 9

Но наряду с собственно дворянской «вольностью» это ограничение политической воли государя не устраивало Екатерину II, которая 11 февраля 1763 года заявила Комиссии о вольности дворянской, что дворянство «сохраняется при полученной свободе» и она даже согласна подтвердить все, что «помянутое собрание придумает к умножению в России дворянской свободы», но только бы «самодержавная власть в российском государстве, которую империя издревле управляется, в своей силе оставалась»⁹⁸.

Впрочем, сама Екатерина II в 1762 году активно использовала риторику изобличения самовластья и утверждала необходимость соблюдения твердых законов самим монархом в манифесте 6 июля 1762 года, который подробно объяснял подданным причины низложения ее супруга⁹⁹. Автор манифеста обвиняет Петра Федоровича в том, что он преступил традиции страны, посягнув на православие, «презрел он и законы естественные и гражданские» и, таким образом, перестал быть самодержавным (*monarque*) властителем, а стал самовластным (*despote*):

...и он возмечтал о своей власти Монаршей, яко бы она не от Бога установлена была, и не к пользе и благополучию подданных своих, но случайно к нему в руки впала для собственного его угождения, и для того дал самовластия своему соединится с самовольным стремлением на все *такие установления в государстве*, какие только малость духа его определить могла к оскорблению народа [...] коснулся перво всего древнее Православие в народе искоренить своим самовластием [...] так что когда добросовестные из его подданных, видя его иконам непоклонение и к церковным обрядам презрение, или паче ругательство, приходя в соблазн, дерзнули о том ему напомнить с подобострастием в осторожность, то едва могли избегнуть тех следствий, которые от самовольного, необузданного и никакому человеческому суду неподлежащего властителя произойти могли¹⁰⁰.

Вступая на престол, императрица, как «истинный монарх», приносит клятву и обещает установить *фундаментальные законы* и править согласно с ними:

⁹⁸ Цит. по: *Омельченко О.А.* «Законная монархия» Екатерины Второй: Прощенный абсолютизм в России. М., 1993. С. 201.

⁹⁹ Манифест 6 июля 1762 года // Оснадацатый век. Исторический сборник, издаваемый П. Бартевым. Кн. 4. М., 1869.

¹⁰⁰ Там же. С. 218.

...здесь наиторжественнейше обещаем Нашим Императорским словом, узаконить такие государственные установления, по которым бы правительство любезнаго Нашего отечества в своей силе и принадлежащих границах течение свое имело так, чтоб и в потомки кажде государственное место имело свои пределы и законы к соблюдению добраго во всем порядка, и тем уповаем предохранить целость Империи и Нашей Самодержавной власти, бывшим несчастьем несколько испроверженную, а прямых верноусердствующих своему отечеству вывести из уныния и оскорбления¹⁰¹.

Утверждение, что самодержавная власть была «испроверженна» Петром III, призвано подчеркнуть, что Екатерина II восстанавливает в России монархию вместо деспотии, установленной производом ее супруга. Скорее всего, текст манифеста был написан Григорием Николаевичем Тепловым при непосредственном участии Н.И. Панина, который на протяжении всей своей политической деятельности настаивал на введении фундаментальных законов в России¹⁰². В 1762 году Н.И. Панин, защищая свой проект Императорского совета, раскрывает понимание «непоколебимых» законов в записке, где он оспаривает замечания императрицы на проект манифеста об учреждении Совета и реформе Сената:

...каждой разумной с[ы]нъ отечества признать должен, что никакая великая, особливо же Российская, империя надежнее управл[я]тся не может, как монаршеским правлением, то есть самодержавством, но из того не следует, чтоб преемник престола мог, имея законное право, без всяких границ все нарушить, что похочет [...] [и] своего самодержавнаго предместника непоколебимо учрежденныя уставы, яко то: веру духовную, твердость и безопасность имени подданных, их разныя кондиции и состоянши, достаточно устоновля иную их форму правител[ь]ства, что единственно почитается надежным

¹⁰¹ Там же. С. 222. Интересно, что в официальном французском переводе Манифеста, предоставленном дипломатическому корпусу и опубликованном в европейских газетах, прямо говорится о намерении императрицы «*raffermit les Constitutions fondamentales de cet Empire à de notre Souveraine Puissance ébranlées par les malheurs passés*». Цит. по публикации в *Лейденской газете*: *Pièces imprimées à Petersburg au Senat, concernant la Révolution en Russie // Nouvelles extraordinaires de divers endroits (Gazette de Leyde). Livraison n° 69 du 27 août 1762. Supplément.*

¹⁰² Об этом свидетельствует близкий к Н.И. Панину датский посол Гакстаузен (Haxthausen), который сообщал 19 июля 1762 года своему двору, что манифест написан Г.Н. Тепловым, но «*Monsieur de Panin l'a corrigé et y donné la dernière main*» (цит. по: *Ransel D. The Politics of Catherinian Russia. The Panin Party.* New Haven; London. 1975. P. 71).

ограждением престола Г[о]с[у]д[а]рева от злоключительных революций, коих частое произшествие неизбежно, наконец, подвергает Г[о]с[у]д[а]рство бунтам, твердостию же формы правительства представляется оно благо полисованным¹⁰³, как то докозател[ь]но свидетел[ь]ствуют все разныя христианския правител[ь]ства в Европе. Благо разумной монарх почитает не токмо такие Г[о]с[у]д[а]рственныя фундаментал[ь]ныя уставы, но и простыя древния обычаи, естли оне переменою времен не обрателися в общей вред; при исправлении же притворившагося в порок, оне стараются с отличными об[ъ]яснениями удостоверить о том разумных людей, которыя нежежд и простых приводят к повиновению¹⁰⁴.

Панин, так же как переводчики его эпохи, называет «самодержавством» монархическое правление, которое требует фундаментальных законов, как и все «благополисованные», то есть цивилизованные, правительства. Из данного отрывка видно, что он подразумевал под фундаментальными законами: это не только сохранение монархического строя и православия, но и зафиксированные права сословий и неизменное сохранение «формы правительства», как «ограждение престола Государева от злоключительных революций». Собственно, такую «форму правительства» Панин и пытался разработать в своем проекте Императорского совета, полагая, что наличие фундаментальных законов выгодно отличает монархию от деспотизма.

Уже в конце своего жизненного пути, работая над проектом «непременных законов» для своего воспитанника великого князя Павла Петровича, Н.И. Панин создает вместе с Денисом Ивановичем Фонвизиным *Введение к непременным законам*, где наиболее полно представлено понимание наставником будущего императо-

¹⁰³ «Благополисованный» — калька с французского выражения *bien policé*, которое часто употреблялось в политической литературе XVIII века и означало «хорошо управляемый» или «благоустроенный». Например, *Словарь Французской Академии* говорит об «Un état bien policé» или «République bien policée». Отглагольное прилагательное *policé* восходит к глаголу *policer*, который переводился в XVIII веке следующим образом: «завесть, учредить благочиние, гражданской порядок, уставы, благоустроить, благоучредить. *Policer un Etat*, Государство благоустроить, учредить в оном Гражданской порядок, уставы» (Полной французской и российской Лексикон. СПб., 1786. Ч. 2. С. 292).

¹⁰⁴ Архив СПбИИ РАН. Ф. 36. Д. 400. Л. 178 об.—179. Опубликовано: Польской С.В. Неизвестная записка Н.И. Панина и «Примечания» на проект Императорского совета (1762—1763 гг.) // Изв. Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (38). № 6.

ра сути *фундаментальных законов*¹⁰⁵. В *Рассуждениях* 1783 года необходимость «непременных законов» обосновывается схожими с запиской 1762 года примерами: в России «престол зависит от отворения кабаков для зверской толпы буян» (намек на переворот 1762 года), и здесь «мужик, одним человеческим видом от скота отличающийся [...] может привести [государство] в несколько часов на самый край конечного разрушения и гибели» (намек на Пугачева). Причина бедствий, терзающих Россию, по мнению Н.И. Панина, в том, что «без *непременных государственных законов*, не прочно ни состояние государства, ни состояние государя». Российское государство не может считаться монархией, «ибо нет в нем *фундаментальных законов*», в том числе выраженных в правах благородного сословия: «дворянство, уже именем только существует и продается всякому подлецу, ограбившему отечество...». Н.И. Панин и его последователи предлагают цесаревичу Павлу Петровичу программу преобразований: «просвещенный и добродетельный монарх, застав свою империю и свои собственные права в такой несообразности и неустройстве, начинает великое свое служение немедленным ограждением общия безопасности *посредством законов непреложных*»¹⁰⁶. Эта идея была близка и цесаревичу, правда, из всех *непременных законов* его прежде всего беспокоил тот, который бы устанавливал право престолонаследия¹⁰⁷. Поэтому во время коронации 5 апреля 1797 года он издал только акты, регулирующие преемственность престола¹⁰⁸.

Самой Екатерине II идея *фундаментальных законов*, как мы уже видели, была вовсе не чужда, императрица уделяет им много места в опубликованном *Наказе Уложенной комиссии* (1767), а также в рукописных проектах, таких как *План гражданских законов* (1774–1775), *Коренные статьи* (1779), проектах закона о престолонасле-

¹⁰⁵ Рассуждение о непременных государственных законах // Фонвизин Д.И. Собр. соч.: В 2 т. М., 1959. Т. 2. С. 254–266.

¹⁰⁶ Там же. С. 265–266.

¹⁰⁷ Сохранилось несколько проектов и записок, созданных Павлом в 1780-х годах. См.: Сафонов М.М. Конституционный проект Н.И. Панина — Д.И. Фонвизина // ВИД. Л., 1974. Т. VI. С. 261–280. Павел составил в 1788 году семейный договор, определявший порядок престолонаследия, опубликованный как Акт 5 апреля 1797 года (ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17.910).

¹⁰⁸ ПСЗ. Собр. 1-е. Т. 24. № 17.906 (5 апреля 1797 г.) и № 17.910 (30 апреля 1797 г.). В преамбуле *Учреждения об императорской фамилии* прямо говорится, что этот акт должно поместить «в числе *фундаментальных законов* Империи Нашей» (Там же. С. 525).

дии (1768, 1785), *Наказ Сенату* (1787)¹⁰⁹. О планах императрицы по созданию *фундаментальных законов*, и в частности *Наказа Сенату*, хорошо знали государственные деятели эпохи. Даже не любивший императрицу граф Александр Романович Воронцов с одобрением заявляет в своем *Мнении 5 мая 1802 года*, что Екатерина II позволяет Сенату «делать самодержавной власти представления [...] в проекте ее о Сенате, коим ее Величество занималась последние годы ее царствования»¹¹⁰.

Императрица, следуя веяниям века, пыталась продемонстрировать «монархическую природу» государства Российского, где наличествуют «непременные законы». Начиная с манифеста 6 июля 1762 года, в котором дается обещание ввести таковые узаконения, она трудится над подготовкой ряда фундаментальных законов. Собственно говоря, Екатерина II отчасти исполнила свою клятву: две *Грамоты* 1785 года являются абсолютными *фундаментальными законами* в понимании XVIII века, так как они закрепляли права сословий. Другое дело, что Екатерина II не хотела или не решалась даровать какие-либо политические права и гарантии прежде всего дворянству, что уязвляло его идеологов. Вопрос закрепления гарантий на уже дарованные права был самым болезненным. Как отмечал еще зимой 1762 года по поводу известной инициативы Петра III австрийский посол Мерси д'Аржанто:

...свобода дарованная русскому дворянству, сама по себе есть ни что иное, как призрак; потому что при таком деспотическом правлении, как здешнее, никак не могут существовать *основной закон* (*ein Fundamental-Gesetz*) и прочие привилегии; потому что для их соблюдения и для управления ими, нет такого государственного или судебного учреждения, прочность которого не зависела бы единственно от минутного произвола Государя, который в силу своей неограниченной власти, не сегодня, так завтра, может отменить как законы, так и привилегии, дарованные своим подданным самым торжественным образом¹¹¹.

Собственно, то же самое можно было бы повторить и в апреле 1785 года. Это прекрасно осознавала сама императрица, старатель-

¹⁰⁹ См.: Омельченко О.А. «Законная монархия». С. 337–360; Каменский А.Б. От Петра I до Павла I: Реформы в России XVIII в. Опыт целостного анализа. М., 1999. С. 454–460.

¹¹⁰ Архив Государственного совета. СПб., 1878. Т. 3. Ч. 1. Стб. 44.

¹¹¹ Донесения графа Мерси д'Аржанто императрице Марии-Терезии и государственному канцлеру Кауницу-Ритбергу, с 5 января нового стиля 1762 года по 24 июля н.ст. 1762 года // Сб. РИО. 1876. Т. 18. С. 82.

но пытавшаяся решить сложное политическое уравнение, где гарантии прав для подданных не должны были ослабить власть государя. Понимание Екатериной II *фундаментальных законов* наиболее полно раскрыто в *Наказе*¹¹². Здесь она сознательно отступает от идей Монтескье и произвольно трактует его концепцию монархии. Как известно, в «монархии умеренной» Монтескье «основными законами» (*lois fondamentales*) являются сословные права и привилегии, прежде всего дворянства. Он называет сословия «посредствующие власти» (*pouvoirs intermédiaires*). В *Наказе* же под *pouvoirs intermédiaires* («власти средния») Екатерина II понимает «Сенат, коллегии и нижния правительства», которые «премудро учредил» Петр Великий (ст. 99 *Наказа*). Поэтому «законы основания державы составляющие» (*les lois fondamentales d'un Etat*) предполагают «малые протоки, сиречь правительства» (*des Tribunaux*) чрез которые изливается власть Государева» (*Наказ*, ст. 20). Собственно говоря, здесь императрица подменяет сословия бюрократией, устанавливая административную вертикаль.

Важное расхождение с «первоисточником» проявилось и в вопросе об обеспечении гарантий законности: Монтескье видит эти гарантии в существовании «*Dépôt des Lois*» («хранилища законов»): органов, наделенных функцией регистрации законов и правом представления (*remontrance*) монарху в случае, если его новый указ нарушает *фундаментальные законы*. Для Монтескье *pouvoirs intermédiaires* и *Dépôt des Lois* ни в коем случае не совпадают, в *Наказе* же «хранилищем законов» считается Сенат, ранее выступавший как часть «властей средних»¹¹³. Эта подмена терминов была обнаруже-

¹¹² Екатерина II в набросках к *Наказу* раскрывает их содержание: «Законы фундаментальные: 1) Сохранение государства в его величии и пространстве. 2) Сохранение формы правления, установленной согласно этому величию государства. / Что же после сего наиважнейшее для граждан? Их жизнь, их имущества и их состояние...» (цит. по: *Омельченко О.А.* Законная монархия Екатерины Второй. С. 338). В самом *Наказе* они определены как «непременные законы», которые разнятся от «учреждений временных» и указов. Следует отметить, что в латинском и французском вариантах третьей главы *Наказа* встречается *конституция*, но в смысле учреждения, постановления (ср.: «О безопасности постановлений государственных» — «De tutione constitutionum imperii» — «De la sûreté de la Constitution de l'Etat»). См. четырехязычное издание: *Наказ Ея Императорского Величества Екатерины Втория*, данный Комиссии о сочинении проекта нового Уложения. СПб., 1770. С. 12—13.

¹¹³ Щербатов возмущается по поводу 26-й статьи *Наказа*: «...государь, не посоветовав с корпусом сената, но по одним словам генерал-прокурора дает свои раболепно принимаемые сенатом решения. Следовательно, когда не

на еще М.М. Щербатовым, который в своих *Замечаниях на Наказ* прямо утверждал, что без «основательных законов», в том числе без дворянских прав, нет истинной монархии.

Критика *Наказа* князем М.М. Щербатовым позволяет нам осознать важность понятия *фундаментальные законы* для дворянских идеологов XVIII века. Для них содержание и значение этого понятия было определяющим в борьбе за политические права и гарантии, которую они вели с самодержавием. Щербатов в своих замечаниях на *Наказ*, в отличие от Н.И. Панина, В.И. Крамаренкова и самой Екатерины II, под «самодержавием» понимает именно «самовластие» и «деспотичество». Если он видит желание Екатерины выдать «самодержавие» за «монаршическое правление», то он одергивает императрицу в своих заметках. Например, в примечании на статью 18 *Наказа* он замечает, что Екатерина почти полностью привела слова Монтескье из *De l'Esprit des lois* (II, 4), только забыла одну фразу «где один правит по *основательным законам*». Щербатов комментирует: «...отложение же сего слова оказывает желание к неограниченной деспотической власти, а где есть деспотичество, тут не могут быть законы тверды, ни власти средние, подчиненные, более взирающие на изволение деспота, нежели на законы». Князь Щербатов удивляется содержанию 19-й статьи *Наказа* и пишет: «Монтескию, тут же. Но все сие сей писатель предполагает в монархии, где государь обязан править по *основательным законам государства* [...] Но сие не в таких державах, где государь себя почитает быть превыше закону»¹¹⁴. Еще более резко он отзывается о 23-й статье: «...ни в наказе, ни в обряде уложенной комиссии нигде не сказано, чтобы *основательные законы государства* сделать; что бы, однако, казалось, должно было быть началом всего учреждения; следственно и *Наказ* сей к деспотическому правлению ведет»¹¹⁵.

Князь Щербатов обстоятельно подходит к описанию «*основательных прав*» в своих *Размышлениях о законодательстве вообще*, где утверждает, что Россия «есть монаршического правления»,

имеет власти истолковать закон, ни предложение на именной указ сделать, то *тщетно имя хранилища закона ему давать, которого он токмо маску носит*, как то обыкновенно во всех деспотических правительствах бывает, что судни не суть хранители законов, но исполнители воли деспота» (*Щербатов М.М.* Незданные сочинения. М., 1935. С. 28).

¹¹⁴ Там же. С. 25.

¹¹⁵ Там же. С. 27.

«яко и сама Ея Величество в Наказе своем изъясняется», а следовательно, «монарх несть вотчинник, но управитель и покровитель своего государства, а потому и должно [быть] неким основательным правам»¹¹⁶. Это и есть *фундаментальные законы*, к которым Щербатов относит, во-первых, «твердое основание и положение о порядке наследства на престол», во-вторых, «хранение владычествующей веры и пребывание государя в оной». За этими ведущими установлениями следует краткое перечисление прочих незабываемых прав: «права издания законов, разных налогов на народ, переделания монеты», «суд и право себя защищать», наконец, «право именованя дворянскаго, по их разным степеням, ненарушимо в монаршеском правлении постановлено быть должно». Щербатов не останавливается на этом, он говорит, что «надлежит иметь хранилище законов», каковым он полагает Сенат, но еще необходимо «оной не токмо снабдить довольно основательными государственными правами о его могуществе, но также и наполнить такими людьми в силу же основательных прав, чтоб он порученный ему залог в силах был сохранить»¹¹⁷. В данной записке «основательные права» описаны достаточно кратко и схематично, но нам посчастливилось найти собственноручное сочинение М.М. Щербатова под заголовком *Мнение о законах основательных государств*, которое представляет собой фактический проект «непременных законов» для России в 11 главах¹¹⁸.

Прежде всего в данном документе за разделами, провозглашающими незабываемость православия («I. Сохранение владычествующия веры») и сохранение единства государства («II. Не раздроблять Государство»), следует регламентация престолонаследия («III. Утвердить право наследства, непоколебимо в царствующем роде»). Отдельно идут главы, посвященные правам подданных, защите их личной безопасности и частной собственности¹¹⁹. Осо-

¹¹⁶ Сочинения кн. М.М. Щербатова. Т. I. Стб. 391.

¹¹⁷ Там же. Стб. 391—392.

¹¹⁸ ОПИ ГИМ. Ф. 368. Д. 83. Л. 37—40. Публикация: Польской С.В. «Потанские» сочинения князя М.М. Щербатова и его записка «Мнение о законах основательных государств» // Известия Самарского научного центра РАН. 2010. Т. 12 (38). № 4 (34). С. 217—222.

¹¹⁹ Разделы: «VI. Цены и содержания монеты не переменять»; «VII. Не складывать никакого налога, без согласия верховнаго совету, и главных членов государства»; «VIII. Утвердить право дворянства»; «IX. Предохранить личную безопасность каждаго»; «X. Предохранить собственность имений каждаго».

бое место занимает описание системы государственного устройства¹²⁰. Аргументы о необходимости исполнительного органа при монархе, содержащиеся в пункте «IV. Учреждения совету неперемннаго», очень близки аргументам Н.И. Панина, изложенным им по поводу учреждения Императорского совета. Впрочем, Щербатов настаивает, что «должны пред другими быть предпочтены» при включении в состав совета «от знатных родов рожденные, яко имеющие обязанность, свою и всех предков своих честь сохраняют». Кроме «Неперемннаго совета», Щербатов говорит о «Вышнем правительстве», под которым он подразумевает «то место, которому препоручено хранение законов». Этот эквивалент «*Dépôt des Lois*» наделен законодательными функциями, а также правом утверждения всех новых указов и налогов. Хотя описание этого органа напоминает французские дореволюционные парламенты, но его функции шире, они близки функциям *Высшего правительства* утопической «Офирской земли». Здесь Щербатов использует «монаршическую» концепцию Монтескье более последовательно, чем критикуемый им *Наказ*. В проекте Щербатова, как и у всех дворянских идеологов XVIII века, *фундаментальные законы* выступают средством консервации сословного общества и не имеют никакого отношения к современному пониманию конституции. В то же время эти *непреложные уставы* ввиду их отсутствия в деспотической России становятся «движущими понятиями», направленными на будущее, они наполняются целевыми смыслами. Неслучайно в финале своего памфлета *О повреждении нравов* Щербатов связывает пути выхода из коррумпированного настоящего с добродетельным монархом, дарующим «основательные права государству»¹²¹. В этом состоит существенное расхождение с западной политической мыслью, для которой *фундаментальные законы* являются наследием прошлого, а не целью будущего политического развития.

Если М.М. Щербатов заочно полемизировал с императрицей, то его хороший знакомый и неумолимый оппонент, вместе с которым он в юности состоял в одной масонской ложе, Иван Никитич Болтин открыто выступил в печати с критикой французского со-

¹²⁰ Разделы: «IV. Учреждения совету неперемннаго»; «V. Не переменять законы и образ правления без согласия главных членов государства»; «XI. Право вышняго правительства утвердить неподвижно».

¹²¹ *О повреждении нравов в России* князя М. Щербатова и Путешествие А. Радищева. Приложение. С. 130.

чинителя Николая Габриэля Леклерка, опубликовавшего *Histoire physique, morale, civile et politique de la Russie ancienne* (1783—1785). В своих *Примечаниях на историю Леклерка* Болтин не просто тщательно выводит и разоблачает исторические, географические, лингвистические и прочие ошибки французского автора, но выступает с определенной политической позиции. Полемическое сочинение Болтина призвано было доказать тот же постулат, что некогда сочинение Штрубе де Пирмона: Россия есть европейская, то есть цивилизованная держава, поэтому она не имеет никакого отношения к деспотической форме правления. Для доказательства данного тезиса Болтину всего лишь необходимо было продемонстрировать наличие *фундаментальных законов* в России.

И генерал-майор Болтин планомерно идет к данной цели на страницах своего труда. Он возмущен утверждением Леклерка о том, что «Государство Российское есть деспотическое», Болтин возражает: «как можно правление Российское назвать деспотическим, где дворянство не меньшею вольностию, выгодами и преимуществами пользуется, а купечество и земледельцы несравненно меньше несут тягости, нежели в котором ни есть из государств Европейских»¹²². Болтин ссылается на русские летописи и находит там много примеров, «которые неоспоримо доказывают, что Великая Князя власть имели не деспотическую; что Народ имел соучастие с Вельможами в правлении»¹²³. Леклерк приводит мнение Уильямса, который считает Россию восточной деспотией, так как здесь отсутствуют законы, и это утверждение дает повод Болтину разразиться следующей тирадой:

Пусть г. Вилиамс и г. Леклерк, со своими потатчиками, осмортятся около себя, а потом прочтут наши законы, уставы, права и преимущества, коими ныне все сословия государственные управляются и пользуются; тогда удостоверятся, что Правление Росийское весьма есть инаково нежели каким они его, частью по пристрастию, а частью по неведению, представляют¹²⁴.

Наконец дело доходит до вопроса о *фундаментальных законах*. Болтин цитирует Леклерка: «Правление без твердаго постановле-

¹²² Примечания на историю Древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненный генерал-майором И. Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 465—466.

¹²³ Там же. С. 474.

¹²⁴ Там же. С. 523.

ния, без *коренных законов* есть столь же удобоколебимо как столп не вкопанный в землю [...] что такое есть Дворянство в Деспотическом государстве?» Болтин дает на этот каверзный вопрос гневный ответ:

Правление наше столь же твердое *постановление* и *коренные законы* имеет как и все Монархическая и Самодержавная. Если постановления и законы наши не сходствуют с Французскими, которых одни токмо Автору нравятся, от того правление наше есть не слабее, есть не удобоколеблемее прочих; и для того, и в соображении оных с сими, мы, по скудности нашего разума, потребности не обретаем. [...] Что дворянство наше значит, из следующих прав и преимуществ его удостоверится всяк может¹²⁵.

Далее Болтин приводит пространную выписку из *Жалованной грамоты дворянству* 1785 года. И это, собственно, единственный закон, на который ссылается автор *Примечаний* для обоснования своей позиции. Впрочем, ранее он утверждает, что еще в древности «имели русские правление, на *коренных законах* и на *непременных правилах утвержденное*, народ разделен был на разные сословия, каждое сословие пользовалось особенными правами, преимуществами и отличиями». Как видим, во второй половине XVIII века вопрос о *коренных законах* стал поводом не только для внутренней, но и для внешней полемики с европейским общественным мнением. Можно сказать, что в России 1750—1780-х годов одним из краеугольных вопросов в политических дискуссиях стала проблема *фундаментальных законов*: то содержание, которое вкладывалось в это понятие различными политическими силами, важно для понимания их принципов и целей.

«Конституция есть законное признание прав народа...»

Французская революция и порожденная ею политическая литература внесли изменение и в русское понимание *фундаментальных законов*, а также актуализировали понятие *конституция* для

¹²⁵ Примечания на историю Древняя и нынешняя России г. Леклерка, сочиненный генерал-майором И. Болтиным. СПб., 1788. Т. 2. С. 528—529.

русской политической жизни¹²⁶. В начале 1800-х годов в правительственных сферах вновь ведутся дискуссии о *коренных* законах. В эту эпоху в столкновении старых екатерининских чиновников и «молодых друзей» императора Александра, наряду с уже знакомыми, всплывают новые смыслы и значения старых понятий. Это скрытое от посторонних глаз обсуждение 1801—1802 годов становится своеобразным итогом развития изучаемых концептов в политическом дискурсе России XVIII века.

В неоднозначной обстановке, сложившейся в Петербурге после дворцового переворота 11 марта 1801 года, лавируя среди противоборствующих придворных группировок, молодой император Александр I недвусмысленно заявил о необходимости политических реформ. «Молодые друзья» императора предлагали обратиться к плану преобразований, изложенных в записке, приписываемой канцлеру Александру Андреевичу Безбородко¹²⁷. Автор *Записки для составления законов Российских* настаивал, что император должен

¹²⁶ В эпоху Революции конституция проникает на страницы русских литературных сочинений. Н.М. Карамзин в *Письмах русского путешественника* (журнальная публикация 1791—1792 годов, отдельное издание 1801 года) ничего не говорит о спорах по поводу конституции во Франции, которые он должен был застать. Но он много пишет об английской конституции, под которой подразумевает, как и Де Лольм, государственное устройство. Карамзин утверждает, что при посещении Британского музея в июле 1790 года «всего любопытнее был для меня оригинал Магны Харты, или славный договор англичан с их королем Иоанном, заключенный в XIII веке и служащий основанием их конституции. Спросите у англичанина, в чем состоят ее главные выгоды? Он скажет: 'Я живу, где хочу; уверен, в том, что имею; не боюсь ничего, кроме законов' [...] Они горды — и всего более гордятся своею конституцией. Я читал здесь Делольма с великим вниманием. Законы хороши, но их надобно еще хорошо исполнять, чтобы люди были счастливы [...] Итак, не конституция, а просвещение англичан есть истинный их палладиум. Всякие гражданские учреждения должны быть сообразены с характером народа; что хорошо в Англии, то будет дурно в иной земле» (Карамзин Н.М. Письма русского путешественника // Карамзин Н.М. Избр. соч.: В 2 т. / Сост., подгот. текста и примеч. П. Беркова. М.; Л., 1964. Т. 1. С. 565—566, 592).

¹²⁷ Оригинал *Записки для составления законов Российских* до сих пор не обнаружен, все списки документа датируются началом XIX века и не подписаны, в самом документе присутствуют определенные анахронизмы, которые позволяют датировать его скорее 1801, чем 1799 годом. Так, например, автор говорит о предстоящей коронации и необходимости императорской клятвы во время ее, но подобное утверждение в 1799 году звучит несколько странно. Собственно, единственным подтверждением авторства А.А. Безбородко являются ссылки на записку «молодых друзей». Можно предположить, что сохранившиеся списки могут быть или обновленным «молодыми друзьями» конспектом записки, или комментариями неизвестного лица по ее содержанию.

править не по прихотям, а «держат в почтении и исполнении законы предков своих, и самим им установленныя, словом издавши закон свой, он так сказать, сам первый его чтит и ему повинуетя, дабы другие и помыслить не смели, что они от того уклониться или избежать могут». При коронации императора предполагалось, чтобы «Государь по изречении символа веры, произнес клятвенное обещание в таких выражениях, которыя являли б народу Его непорочное намерение царствовать во славу Империи, и во благо общественное. Таковая присяга могла бы быть в следующей силе...»¹²⁸. К сожалению, далее в документе идет пропуск, хотя очевидно, что «клятвенное обещание» уже предполагает определенное ограничение *фундаментальными законами*, набросок которых, собственно, излагается далее в записке в виде описания сословных прав и привилегий, а также полномочий высших государственных учреждений.

Вызванный в столицу из своего имения граф Александр Романович Воронцов при первом же свидании с императором в начале мая 1801 года слышит от него о его желании «diminuer le pouvoir souverain» и даровать России «une Constitution qui borne de son Pouvoir et donne droits grands». Наконец, Александр просит известного своим гражданским мужеством Воронцова составить проект такой *Грамоты*¹²⁹. Воронцов незамедлительно сообщает об этом своему брату в Лондон: он заверяет его, что не является «un amateur du despotisme», но весьма опасается последствий столь непродуманных действий императора. Ответ Семена Воронцова нам уже знаком. Александр Воронцов приступает к написанию первой редакции *Грамоты*, вошедшей в историю как *Жалованная грамота российскому народу*. В составлении окончательной редакции этого документа приняли участие, кроме Воронцова, «молодые друзья» императора граф Виктор Павлович Кочубей и Николай Николаевич Новосильцев, а стилистическую правку внес Михаил Михайлович Сперанский. В преамбуле этого документа без обиняков говорилось, что *Грамота* дарует России *фундаментальные законы*. Александр I дол-

¹²⁸ Архив СПб ИИ РАН. Ф. 36. Оп. 1. Д. 400: О внутреннем управлении России. Т. 3. Л. 15 об. — 16 об.

¹²⁹ РГАДА. Ф. 1261. Оп. 3. Д. 47. Л. 54. Воронцов вставляет в свое французское письмо это русское слово как эквивалент Конституции, в последующих письмах он использует нейтральное и скорее подходящее к «Грамоте» — «une Charte». Когда он впервые пишет брату о Грамоте, называя ее по-французски *Constitution*, он имеет в виду словарное «Конституция государя» (например, в *Trevoux* 1771 года), то есть постановление, уложение монарха, но в данном случае — такое уложение, которое дает «коренные законы».

жен был объявить, что «изъявили Мы волю и намерение Наше, употребить все силы и старания к благоденствию России, управляя народом [...] *коренными законами*», а затем император фактически приносил клятву: «узаконяем и обещаем Императорским Нашим словом за Нас и приемников наших, яко *коренным законом*, следующие статьи»¹³⁰. Предполагалось, что император провозгласит *коренным законом* империи статьи *Жалованной грамоты российскому народу* во время коронации в Москве. Собственно говоря, это напоминало процедуру, приписываемую западными политическими трактатами ограниченному монархам, а также предложение из *Записки для составления законов Российских*. Как известно, император так и не решился ни на публикацию *Грамоты*, ни на «клятвенное обещание» во время коронации в сентябре 1801 года.

Понимание термина *конституция* А.Р. Воронцовым было еще тесно связано с политической наукой середины XVIII века, и прежде всего с идеями Монтескье. Эти идеи были столь же близки братьям Платону и Валериану Александровичам Зубовым, которые разработали свои «конституционные» проекты. До нас дошла анонимная записка *О коренных законах государства* (1802), традиционно приписываемая М.М. Сперанскому, хотя ее содержание противоречит идеям, развитым в последующих проектах этого государственного деятеля. Прежде всего очевидна проаристократическая тенденциозность автора, позиция, никогда не бывшая близкой Сперанскому, не говоря уже о своеобразном тоне, в котором документ написан. Исследователи давно отмечали «странности» так называемых «ранних записок» М.М. Сперанского. Михаил Михайлович Сафонов высказал убедительную версию о том, что автором этих записок является граф В.А. Зубов, член Непременного совета¹³¹. Если эта версия верна, то Зубов выступает в записке *О коренных законах* как сторонник реализации принципов «умеренной монархии» Монтескье в России. Для него куда важнее социальное преобразование России, чем политическое, поскольку без общественных изменений невозможно установление «истинной монархии» и действие *коренных законов*. Автор записки 1802 года, следуя рассуждению Монтескье «point de noblesse, point de monarchie», утверждает: «...вместо всех пышных разделений свободного

¹³⁰ ОР РНБ. Ф. 637. Д. 922: Проект всемиростивейшей грамоты российскому народу жалужемой. Л. 1 об.—2.

¹³¹ Сафонов М.М. О так называемых ранних записках М.М. Сперанского // ВИД. Л., 1991. Т. 22. С. 101—117.

народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи». Он продолжает: «...при таком разделении народа в отношении к престолу, каким образом можно думать о каком-нибудь *образе правления*, о каких-либо *коренных законах*...»¹³². Обратим внимание, что здесь в одной строчке соединяются старое понимание конституции (*образ правления*) и *коренные законы*, но фактически они противопоставлены друг другу. Автор записки предлагает разделить дворянство на высшее (первые четыре класса *Табели о рангах*) и низшее, затем для высшего дворянства восстановить указ 1714 года «о первородстве», а потом превратить «низшее» дворянство в простое чиновничество, лишив его дворянских прав и привилегий. Таким образом, «высший класс» сможет выступить гарантом «коренных законов». В.А. Зубов в другой своей записке *О правах Сената* (1802) пишет: «По *настоящей конституции России*, источник, начало и конец всех сил государственных есть государь»¹³³. Здесь, как и в проекте *О коренных законах*, мы снова видим «устаревшую», с современной точки зрения, семантику понятия *конституция*. В то же время *коренные законы* выступают у него «движущим понятием», их реализация возможна только в будущем, как результат значимой социальной реформы, в результате которой русское дворянство приобретет характеристики «монархического дворянства» *à la Montesquieu*.

Следует предположить, что первое, наиболее близкое к современному, понимание *конституции* в России артикулировал граф Павел Александрович Строганов. Он был в Париже как раз во время бурных дискуссий по поводу *конституции*, в ее подлинном значении, пришедшихся на 1788—1789 годы; он во многом впитал те идеи, которые были близки «друзьям Конституции», а не их противникам, полагавшим, что у Франции уже есть *конституция*, и никакая другая ей не нужна. Среди его бумаг, связанных с деятельностью «Негласного комитета», переплетенных в том под названием *Principes de la réforme du Gouvernement*, сохранилась записка *О состоянии нашей Конституции (De l'état de notre Constitution)*. Казалось бы, название записки вновь отсылает нас к идее формы правления, но Строганов с самого начала заявляет свое ясное видение *конституции* как правового признания прав нации:

¹³² Сперанский М.М. Руководство к познанию законов. СПб., 2002. С. 239.

¹³³ РГИА. Ф.1167. Оп. 16. Д. 8: Записка гр. Валериана Зубова о правах Сената при всеподданнейшем письме 29 апреля 1802 года. Л. 7.

A mon avis une *Constitution* est la reconnaissance légale des droits d'une nation ou les formes dans lesquelles elle peut les exercer. Pour assurer ensuite la validité de ces droits, il doit exister une garantie à ce qu'un pouvoir étranger ne puisse pas empêcher l'effet de ces droits. Si cette garantie n'existe pas, le but de l'usage de ces droits, qui est d'empêcher qu'aucune mesure du gouvernement puisse être prise à l'encontre du véritable intérêt national, ce but, dis-je, serait manqué, à alors on pourrait dire qu'il n'y a point de *Constitution*¹³⁴.

Последняя фраза прямо отсылает нас к статье 16 французской Декларации прав человека и гражданина 1789 года. Для Строганова также вполне приемлемы ведущие ценности данной Декларации, они должны составить и конституцию России: «Le bonheur des hommes consiste dans la sûreté de leur propriété à la liberté d'en faire tout ce qui ne peut pas être nuisible à autrui». Наконец, Строганов устанавливает равенство между конституцией и фундаментальными законами, предполагая, что устранение административного произвола будет способствовать сохранению собственности и свободы: «Les gardiens de ces règlements de l'administration sont les lois fondamentales de l'état ou, autrement dit, la Constitution»¹³⁵. Но Строганов тут же заявляет, что в России уже есть некоторые элементы конституции, а именно установленные и используемые на практике права отдельных сословий. Но при этом, говорит он, полностью отсутствуют какие-либо гарантии этих прав, что, собственно, и составляет главную цель конституции. Поэтому он полагает, что введение таковых гарантий может привести к окончательному установлению конституционного строя в России.

В историографии сложились самые разные оценки политической программы «Негласного комитета». Некоторые историки считали ее, вслед за перепуганными старыми вельможами, «якобинской», чуть ли не революционной, что отнюдь не верно, так как

¹³⁴ РГАДА. Ф. 1278: Строгановы. Оп. 1. Д. 14: Principes de la réforme du Gouvernement. Л. 92. Записка опубликована: Николай Михайлович, в кн. Граф Павел Александрович Строганов. СПб., 1903. Т. 2. С. 40. Перевод вел. кн. Николая Михайловича: «Конституция есть законное признание прав народа и тех форм, в которых он может осуществлять свои права. Для укрепления действительности этих прав необходимо иметь обеспечение, что посторонняя власть не воспрепятствует пользованию этими правами. Где нет такого обеспечения, которое воздерживало бы правительство от мер, противных интересам народа, там нет и конституции» (Там же. С. XI).

¹³⁵ Там же. С. 41. Перевод: «Хранители сих административных установлений суть фундаментальные законы Государства, или, иначе говоря, Конституция».

большинство членов этого «революционного комитета» не только не собирались уничтожить сословное деление общества, но и стремились к укреплению дворянских привилегий. Как кажется, изучение понимания «молодыми друзьями» конституции поможет нам осознать их представления о направленности реформ. Марк Раев полагал, что к началу XIX века сложилось два основных понимания конституции. Первое было результатом английской конституционной традиции, а также революций в Америке и Франции. Согласно этой традиции конституция есть:

...a written document clearly stating the sources and character of political sovereignty, guaranteeing the basic rights of all citizens, establishing the mechanism of a representative parliamentary government, and, most important, confining the executive to a position subordinate to that of the elected legislative power.

Второе понимание конституции было распространено в России, оно характерно для Александра I, членов Негласного комитета и позже М.М. Сперанского:

What they called constitutions should perhaps be termed 'fundamental principles of administrative organisation'. The term constitution conveyed to them the idea of an orderly system of government and administration, free from the caprices and demoralising tyranny of arbitrariness. To give Russia a constitution, therefore implied bringing clarity and order to the administration and basing the relationship between the government and the individual subject on the rule of law¹³⁶.

Это очень тонкое наблюдение, как кажется, верно лишь отчасти. Действительно, «молодые друзья» не предполагали установить в России английскую или французскую конституцию, но конституция в их понимании не сводилась только к административной составляющей. Как доказательство подобного тезиса можно привести слова Строганова, который утверждал, что конституция включает в себя три части: «установление прав, их использование и гарантию оных» («l'établissement des droits, la manière d'en faire usage & la garantie»). Н.Н. Новосильцев предлагал на первом заседании «Негласного комитета» в июне 1801 года следующий порядок его деятельности:

¹³⁶ Raeff M. Michael Speransky: Statesman of Imperial Russia. The Hague, 1957. P. 41—42.

...d'abord on devait se rendre compte de l'état actuel des choses, ensuite précéder a la reforme de ces diverses parties de l'administration et enfin couronner ces différentes institutions par une garantie offerte dans une constitution réglée d'après le véritable esprit de la nation¹³⁷.

Очевидно, что Новосильцев связывает конституцию с *esprit de la nation*, а не с административной системой, которая должна быть урегулирована до установления конституции, и только в последнюю очередь должна быть дарована конституция, закрепляющая результаты проведенных реформ. Таким образом, конституция для «молодых друзей» становилась еще более дальней целью, чем *основательные законы* у прожектеров XVIII века, она должна была увенчать длинную цепочку реформ. Среди личных бумаг Новосильцева, посвященных его работе в «Комиссии законов» в 1803–1804 годах, содержатся материалы и наброски *Кодекса законов*. Так вот, первая часть этого Кодекса (1 section) озаглавлена «Constitution de l'Empire de Russie» и включает в себя не только установление прав и обязанностей императора, закон о престолонаследии и статус высших государственных учреждений (Сената и министерств), что, собственно, уже включалось в проекты *непременных законов* еще в XVIII веке, но также и права подданных в целом и сословий в частности¹³⁸. Поэтому невозможно однозначно считать, что для реформаторов начала XIX века конституция была лишь набором «фундаментальных принципов административного устройства». К тому же следует отметить, что выделенная М. Раевым первая традиция была относительно новой, даже в Америке и Франции конституцию связывали именно с административными формами: достаточно взглянуть на определения американских и французских словарей конца XVIII — начала XIX века или на определение *конституционных законов* аббатом Сийесом. Поэтому неудивительно,

¹³⁷ Граф Павел Александрович Строганов. Т. 2. С. 61. Перевод: «Прежде всего, должно узнать насущное положение дел; затем реформировать различные части администрации, и, наконец, увенчать различные установления гарантией данной в конституции, основанной на истинном духе нации».

¹³⁸ При этом до сведения публики был доведен план нового свода законов: Доклад министерства юстиции о преобразовании комиссии рапортов об успехах трудов ея. СПб., 1804. Ч. 1. Здесь содержится *Главное расположение книги законов*, в котором говорится, что «Первая часть содержит в себе *Государственное Уставное Положение*, или законы внутреннего устройства» (Там же. С. 38), во французском переводе: «La Première contient la Constitution de l'Empire et les lois organiques» (Там же. С. 39).

что и в русских проектах столь много места уделяется административным формам конституции.

В политических записках П.А. Строганова и Н.Н. Новосильцева конституция — это уже акт, гарантирующий права, в том числе описывающий границы государственной власти в отношении прав и свобод личности наряду с регламентацией системы государственного правления. В то же время для А.Р. Воронцова и его современников политическое понимание конституции и фундаментальных законов отличается, для них конституция в широком значении — это форма правления, а в узком значении — конкретное постановление государя. А фундаментальные законы суть неизменные установления, закрепляющие права сословий. Эта различная трактовка ключевых понятий екатерининскими вельможами и александровскими «друзьями» является индикатором их разнящихся политических дискурсов, сформированных разным образованием, культурой и историческим контекстом. Взаимное непонимание поколений выразилось в разных смыслах, вкладывавшихся в, казалось бы, одинаково звучащие термины. Новое понимание конституции быстро распространилось среди образованной русской публики, и уже в 1819 году А.С. Грибоедов мог говорить: «В Европе, даже и в тех народах, которые еще не добыли себе конституции, общее мнение, по крайней мере, требует суда виноватому»¹³⁹. Обратите внимание: здесь конституцию можно «добыть», это акт, дающий права и гарантии, в то время как в XVIII веке большая часть образованных людей полагала, что конституцию можно «переменить», но лучше этого не делать, так как конституция — это установленная традициями форма правления в любой стране, и ее изменение — это путь к гибели государства. Эти семантические изменения служили индикатором уже иной эпохи, с новыми проблемами, целями и идеалами.

* * *

Таким образом, в России во второй половине XVIII века понятия фундаментальные законы и конституция были адаптированы элитарными слоями русского общества и постепенно включены в дискурсивные практики, отраженные в «прожектерской» и публицистической литературе эпохи. Эти понятия, попавшие в Россию

¹³⁹ Грибоедов А.С. Соч. / Вступ. статья, коммент., сост. и подгот. текста С.А. Фомичева. М., 1988. С. 404.

после знакомства образованной публики с западными политическими теориями, используются ею в качестве «ключевых» и «ведущих понятий»: об их сути ведутся дискуссии и с ними связываются цели политического развития России. От множественного числа *фундаментальных законов и конституций* эти концепты развиваются и объединяются к началу XIX века в единственное число понятия *конституция*, под которым подразумевается «основной закон» государства. Далее из элитарного дискурса это базовое понятие в середине XIX века переходит к другим социальным группам и, становясь все более демократическим концептом, начинает активно использоваться как инструмент политической борьбы различными общественными силами.